

О ЗВЕРЕ И ФЕЙРИ

КЕЛСИ КИКЛАЙТЕР

18+

Келси Киклайтер

О звере и фейри

Серия «Young Adult. Холм и Лощина»

Серия «Лощина и Холм», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67956855

О звере и фейри / Келси Киклайтер: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-173133-5

Аннотация

Девушка-фейри, в чьей груди бьется человеческое сердце.

Королева Благого двора, похищающая смертных.

Король Неблагого двора, которому суждено отказаться от трона.

На побережье Джорджии находится городок, расположенный на границе царства фейри. Еще в детстве, Фэй потеряла свою мать из-за жестокости коварных созданий, но всю свою жизнь желала хоть на мгновение заглянуть за завесу темного и загадочного мира, который всегда зывал к ней. Ведь она – полукровка и наследница Неблагого двора.

Но прежде чем сесть на трон, ей предстоит обратиться за помощью к нимфе с волосами цвета полуночи и выдержать испытания в смертельно опасном Лабиринте, который, знает все ее слабости.

Чтобы выжить, ей придется довериться Темному королю, встретиться с фоморами – древней расой Народца, и отыскать монстров не только в Лабиринте, но и внутри себя.

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	25
Глава третья	57
Глава четвертая	93
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Келси Киклайтер

О звере и фейри

Kelsey Kicklighter

OF BEAST AND BURDEN

Copyright © 2022 by Kelsey Kicklighter

© Воробьева К., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава первая

Даже самые отъявленные скептики придерживаются трех основных правил: запирать двери в ночь солнцестояния, никогда не называть свое полное имя чужаку и не гулять по лесу после наступления темноты.

Хотя, пожалуй, формально мы и *не* гуляли.

Только Делия отважилась бы пропустить мимо ушей предостережения, которые передавались нашими предками с тех времен, о которых ведают лишь звезды. И толпа всегда следует за Делией, куда бы она ни направилась. «*Народец забирает только тех, кого сможет поймать*». Но вот мы здесь, практически у них под носом. Грэн убила бы нас, если бы узнала.

Свет от костра отбрасывает мерцающие тени на лица, искажая их в темноте, небольшой компании учащихся средней школы, которых я знаю всю свою жизнь. Мы расположились на небольшой поляне в лесу: некоторые из нас сидят на пнях или валунах, а нескольким опоздавшим пришлось довольствоваться местами на земле. Их голоса то повышаются, то затихают, растворяясь в звуках леса, подобно стрекоту цикад. Из-за густого летнего зноя пышущий жар от огня становится практически невыносимым, но никто из нас не желает оставаться без некоего подобия безопасности, которое дарит его свечение. Даже между взрывами смеха наши взгля-

ды устремляются к мерцающим теням на границах пламени. Сегодня в воздухе витает запах жасмина – аромат волшебства. Я помню, как он прилипал к коже моей матери, сколько бы она ни умывалась.

С самого детства мы с Делией игнорировали правила. Наступали в кольца из поганок, оставляли молоко и мед на опушке леса, привязывали ленточки к боярышнику. Мы позволяли Народцу поймать нас.

Но Народец либо не существует, либо их пугает наша дерзость. По крайней мере, так считает Делия.

Разница между нами в том, что я видела. Я *знаю*, что подобное происходит гораздо чаще, чем, вероятно, что-либо другое в этом городе. Это заставляет меня задуматься, но не подавляет интерес, как хотелось бы. Я почти настолько же испорчена, как и она. Но проблема Делии в том, что она не очень верит в Народец. Полуверие – вот что приводит к неприятностям. Неверующие даже не стремятся вдаваться в подробности, а те, кто, как и я, верит, помешаны на правилах, которым должны следовать. Полуверие будто наполняет тебя смелостью мечтать и не приносит никакой пользы от заученных назидательных историй.

Делия скользит вокруг костра, ее смуглая кожа переливается золотом в пламени. Моя кузина, Элли, раздраженно фыркает на камне рядом со мной.

– Да ты только посмотри на нее. Просто идеальная хозяйка. Она что, думает, мы на благотворительном вечере?

Я слегка подталкиваю ее локтем. «Веди себя хорошо», – стараюсь донести без слов. Элли с трудом выносит Делию, говорит, что не хочет тратить время на пассивно-агрессивную враждебность, маскирующуюся за образом южной красавицы. Порой даже я не могу винить ее за это. Иногда Делия переходит все границы. Именно она распугала большинство моих бывших – парней и девушек, – хотя такое поведение было не столько связано с ними, сколько в ее собственных замашках. Ей плевать, что я би, в отличие от значительной части населения Стиллуотера. Делию не назовешь хорошим другом, но и плохой ее не назвать. Это маленький город. Когда выбор невелик, тебе приходится быть менее разборчивым.

Я поправляю свою выцветшую футболку с «Зигги Стардастом», которая внезапно кажется мне совершенно неуместной, когда Делия приближается к нам в своем безупречном летнем платье миди зеленого цвета. Очаровательная, как и всегда. Она осматривает меня с ног до головы. Ее хмурый взгляд замирает на моих непокорных кудрях. Делия ненавидит, когда я собираю их в пучок на макушке, но в лицо мне этого не высказывает. Ну разумеется. С ее стороны это было бы слишком грубо. А Делия никогда не *грубит*. Как утверждает она сама – не забывая при этом с жалостливым видом похлопывать меня по плечу, – мама достойно ее воспитала. Научила готовить запеканку, чтобы потом не стыдно было угощать соседей, научила разбираться в правилах по-

ведения на светских раутах. А моей матери, которая показала бы мне, как укладывать волосы, рядом не было. Делия и раньше упоминала об этом, после всегда добавляя «Благослови, Господь, твою душу».

И даже если безупречные манеры не позволяют ей комментировать наш внешний вид, Делия все же презрительно приподнимает бровь, поглядывая на черную балетную пачку Элли со специально изрезанным подолом, и протягивает мне непочатую бутылку алкогольного коктейля, которую прихватила из общего холодильника. Элли целиком и полностью принадлежит себе, надевая хоть и симпатичные, но громоздкие армейские ботинки – единственную стоящую вещь в ее гардеробе. Она так одевается не для того, чтобы кого-то впечатлить, а Делия не из тех, кто приветствует столь агрессивное проявление собственного «Я».

Элли замечает пристальное внимание, направленное на нее, и ухмыляется.

– Привет, Корди, – произносит она и поднимается, чтобы отправиться на поиски людей, которые нравятся ей чуточку больше, чем Делия. Я хочу попросить ее быть осторожной, но вряд ли она оценит мой порыв. Она никогда не вникала в суть преданий так же сильно, как я, но Эль по крайней мере знала правила. И видела, что произошло с моей матерью. Ей не нужно лишнее напоминание об этом.

Делия вздыхает и протягивает мне руку, растянув губы в холодной усмешке.

– Ненавижу это прозвище, – шепчет она, поджав губы.

Бросаю на нее сочувствующий взгляд и самостоятельно поднимаюсь, игнорируя протянутую руку. Я знаю ее достаточно долго, чтобы замечать разницу между вежливым жестом и настоящим предложением помощи. Последнее я встречала в исключительных случаях и, как правило, помимо ее воли. Когда я встаю, она обхватывает меня за плечи и увлекает за собой к огню.

– Где ты пропадала, Фэй? – возмущается она, тыча костлявым пальцем в мой бок так сильно, что я вздрагиваю.

Я потираю свои ребра, прежде чем ответить ей:

– Просто пытаюсь подготовиться к большому пути.

Большой путь. Это ее слова. *Как бы не так.* Всего в часе езды от города на побережье Джорджии. Он едва ли больше Стиллуотера. Единственное его достоинство в том, что там есть и муниципальный колледж, и кинотеатр. В нашем родном городе нет ни того, ни другого.

Она кивает, и по выражению ее лица заметно, что она совсем меня не слушает, выжидает, когда я закончу говорить, чтобы продолжить самой. Ее взгляд направлен на край поляны, где тени сгущаются над застывшими там фигурами. Делия решительно тянет нас в том направлении.

Обычно, стоит мне заикнуться о колледже, как Делия тут же преображается. Колледж Брейдентона – ее фаворит. Она в восторге от самого места и от мысли, что мы будем соседками по комнате. Я думаю, что она уже записала нас в сест-

ринство, в котором состояла ее мать. Хотелось бы и мне испытывать такое же воодушевление, как у нее. Будь у меня выбор, то после выпускного я сразу бы уехала в любой колледж, находящийся подальше отсюда. Письмо о зачислении в Нью-Йоркский университет, которое я запихнула поглубже на верхней полке шкафа, все еще манит меня, словно песнь сирены. Грэн воспитывала меня с Элли в одиночку, и у нее не так много средств, чтобы потратить их на колледж. В этом нет ее вины. Просто у нас нет денег, которые потребовались бы, чтобы покинуть этот город.

Я передергиваю плечами. Клянусь, не понимаю, что творится со мной в последнее время. Моя кожа кажется слишком натянутой, как будто что-то изнутри разрывает меня на части. Ощущение продолжает разрастаться, проникает под кожу, постоянно напоминая о себе.

Мы проходим мимо троих футболистов, потягивающих теплое пиво, которое они принесли в своих рюкзаках. Кэл, тупой полузащитник, который большую часть наших школьных лет твердил мне, чтобы я «выбрала сторону», открыто пялится на Делию. Я испытываю чувство самоудовлетворения от мысли, что сегодня он не удостоится ее внимания.

Я не сразу понимаю, что привлекло внимание Делии, вместо того чтобы воспользоваться представившейся возможностью и еще раз согласовать, какую мебель мы берем с собой. Фигуры, притаившиеся в отблесках костра, – чужаки, и Делия ведет нас прямо к ним. Тени пляшут по их телам, скры-

вая лица. Но две фигуры определенно мужские, а улыбка Делии подобна хищному оскалу, но она, кажется, этого даже не осознает.

Чужаки должны были заставить ее насторожиться, стать для нее предупредительным звоночком. Я тоже должна чувствовать нечто подобное. И, признаюсь, в глубине моего сознания, словно предостережение, маячит осунувшееся лицо моей матери, но я всю свою жизнь прожила по эту сторону завесы и ни разу не сталкивалась с фейри. Что-то в Делии заставляет меня быть беспечной, какой я всегда хотела быть. Может быть, поэтому мы никогда с ней не разлучались. В городе людей, которые знают о существовании Народца, но лишний раз не высовываются, мы с ней всегда были теми, кто хотел действовать – найти достойную историю, чтобы ее потом рассказать, чтобы ее прожить.

Она незаметно подкрадывается к ним, покачивая бедрами. Я не отхожу от нее ни на шаг. Меня всю колотит от напряжения. Не похоже, чтобы она сама примеряла эти ленточки к деревьям. Кто-то должен был погуглить, как выглядит боярышник.

Она незаметно поправляет бюстгальтер с эффектом пуш-ап.

– Как я выгляжу?

– Ты всегда отлично выглядишь и знаешь об этом, – отвечаю. Выделенные скулы, изящное стройное тело, ноги от ушей. Делия – мечта любой матери, желающей, чтобы ее

дочь стала победительницей конкурса красоты.

– Приветик, – говорит она, всем своим видом демонстрируя южное обаяние. Я отпускаю ее руку, когда Делия перемещается в тень и встает рядом с незнакомцами, а я на мгновение замираю в нерешительности. Делия поворачивается ко мне, надув свои накрашенные темно-красной помадой губы, и этого хватает, чтобы пошатнуть мою неуверенность и заставить сделать решающий шаг в темноту. Сомневаюсь, конечно, что спустя столько времени кто-то из Народца будет отплясывать на школьной вечеринке и...

Мое сердце гулко колотится в груди, когда мне наконец удастся как следует разглядеть их лица в отблесках пламени.

Проблема не в том, насколько они красивы. О, *звезды небесные*, они прекрасны. Тот, что стоит ближе всего к Делии, похож на греческого бога, сошедшего с небес на землю. Его золотистая кожа и бронзовые волосы излучают мягкое сияние даже в темноте, а на полных, изогнутых губах играет манящая улыбка. В васильково-синих глазах таится насмешливый блеск.

Его спутник, который выше почти на целую голову, судя по взгляду, не кажется взволнованным нашим появлением. Он притягательно опасный, с острыми скулами и тяжелым взглядом. «Красив, как сам грех», – сказала бы Грэн.

Нет, они не просто красивы. Они *чудовищно* красивы. Я чувствую, как от них волнами исходит магия. В воздухе витает цветочный аромат – явное предупреждение. Волосы на

затылке шевелятся. Делия дразнит и проводит пальцем по белому рукаву греческого бога.

– Я вас, мальчики, здесь раньше не видела, – говорит она, одаривая их своей ослепительной улыбкой младшей мисс Стиллоутер.

Пот струится по моей спине, пока я пытаюсь понять, что задумала Делия. Неужели она не понимает, кто они такие? Неужели не *чувствует*? Все реально. *Они* настоящие, действительно настоящие. Возбуждение опьяняет сильнее любого напитка из холодильника Делии. Мы сделали это. Мы наконец-то нашли их. Или... правильной сказать, они нашли нас.

Второй незнакомец заговаривает, и его темные волосы спадают на глаза, когда он осматривает меня с головы до ног.

– Кажется, я тебя знаю, – сообщает он. На мгновение мое волнение утихает от его едкого тона.

– Хм, – выдавливаю из себя, не зная, что еще ответить. Я не очень-то привыкла общаться с бессмертными созданиями, особенно с теми, кто явно раздражен моим присутствием. Я совершенно не понимаю, чем могла насолить этому великолепному созданию, даже если мой длинный язык часто доставлял мне неприятности. – Я живу здесь всю свою жизнь. Думаю, я запомнила бы тебя, если бы мы встречались раньше.

Золотоволосый широко усмехается.

– Мы живем... неподалеку. – Он плечом задевает своего

спутника. Я замечаю не только это движение, но и взгляд, которым они обменялись друг с другом. – Не обращай внимания на Гейджа. Может быть, мы знакомы с твоими родителями.

С моими родителями? С моей *матерью*. От ужаса в моем желудке разверзлась леденящая пустота. Это жестокое напоминание о неизбежной оплате за обнаруженную нами магию, и последние крохи моего томительного волнения испаряются. Никогда не думала, что окажусь так близко к ним, а смотря на Делию, понимаю, что она ни о чем не догадывается. Черт, судя по тому, как замороженно она смотрит на них, ее, возможно, даже околдовали. Черт. *Черт*. Мне хочется встряхнуть ее за плечи. «*Миссия отменяется, идиотка!*»

Нам нужно убираться отсюда. Я дергаю Делию за руку, но та отмахивается от меня.

Золотоволосый это замечает. Что-то в его свирепом выражении лица напоминает мне, что некоторые животные могут учуять страх. Я вытираю ладони о джинсы.

– Как, ты говоришь, тебя зовут? – спрашивает он.

– А я не говорила, – отвечаю я, хотя должна держать язык за зубами. Имена обладают силой. Назвать свое имя – все равно что подчиниться. По крайней мере, так я могу защитить себя.

Но я не учла южную вежливость.

– *Фэйлинн*, – укоряет Делия. – Клянусь, я не могу никуда ее взять, – смеясь, сообщает она им, будто не знает, как *опас-*

но выдавать свои имена. Я могла бы прямо сейчас вцепиться в ее идеальные волнистые волосы. Несмотря на изнуряющую жару, по моему позвоночнику пробегает дрожь неподдельного страха. *«Ради бога, Делия, перестань хлопать глазками и сосредоточься».*

Золотоволосый протягивает мне руку.

– Можешь звать меня Келлан. – Он продолжает протягивать ладонь, поэтому я неохотно пожимаю ее. Пальцы пронзают разряды статического электричества, когда мы соприкасаемся, а мысли в моей голове начинают путаться. Сквозь туман вижу, как он бросает торжествующий взгляд на Гейджа, который смотрит на меня так, будто у меня только что выросла лишняя конечность.

Я даже не притворяюсь удивленной, когда Делия протягивает ему свою руку, почти по-королевски, и называет свое полное имя:

– Корделия.

– Корделия, – Келлан растягивает ее имя. – Очаровательно.

Он слегка наклоняется и целомудренно целует тыльную сторону ее руки. И не отпускает ее, когда поднимает взгляд на меня.

– Корделия, – повторяет он. – Фэйлинн, не могла бы ты...

– Фэй, – выпаливаю я. – Просто Фэй. Делия, не пора ли нам вернуться к остальным?

Ее лицо, повернутое к Келлану, выглядит как-то размыто.

– Зачем? – спрашивает она, ее голос хриплый, а южный акцент усиливается.

– Верно, Корделия. – Келлан смотрит на нее как на свою лучшую ученицу, а затем снова поворачивается ко мне. – Не хочешь ли ты пойти с нами?

Я чуть не рассмеялась. *Хотела бы я?* В том-то и проблема. Я очень хочу, но знаю, к чему может привести подобное желание.

Но, глядя в эти глаза, я не могу солгать.

– Да, – шепчу я, и даже мое дыхание выдает меня. *Нет*, я должна кричать. Должна найти Эль и убраться отсюда к чертям собачьим, прихватив Делию с собой, если придется.

Гейдж еще раз окидывает меня взглядом, а затем исчезает среди деревьев. Келлан берет Делию за руку, чтобы та следовала за ним. Оглянувшись, я вижу, что вечеринка в самом разгаре, а лица присутствующих словно намеренно обращены в противоположную от нас сторону. Но либо никто не замечает, либо просто не хочет вмешиваться в игры Народца. Если не последую за ней сейчас, то Делия может навсегда ускользнуть в бархатной темноте ночи.

Я могу отпустить ее, зная, что больше ни я, ни другие жители нашего города никогда не увидим ее вновь. Могу остаться здесь, в безопасности, и вечно гадать, что происходит за той завесой. Но я бы... *завидовала*. Как бы ужасно ни звучало, именно эта эгоистичная мысль заставляет меня переставлять ноги. «Я ведь знаю правила, – рассуждаю про

себя. – Я смогу спасти нас». Единственное, на что сейчас я, терзаемая навязчивой мыслью, способна, – это пойти за ними.

* * *

Все росли на каких-то историях, правда, сомневаюсь, что они хоть как-то похожи на те, которые нам рассказывают в Стиллуотере. Истории о существах, которые заключают сделки, воют в темноте, танцуют и крадут твою молодость за одну ночь. Истории о подменышах, о похищениях. Искаженные временем истории, и нужно постараться, чтобы добраться до истины. Истоки этих мифов простираются далеко, через бессчетное множество культур. Стиллуотер – не то место, где они зародились, но это то место, где они живут.

Каждая троюродная сестра, прабабушка или (в соответствии с южной традицией представления родственников, не имеющих с вами никакого кровного родства) эксцентричная тетушка Беатрис знают кого-то, кто знаком с теми, кого похитили фейри. Иногда они все же возвращаются. Иногда вы жалеете, что они не вернулись. Йейтс ошибся; он хотел, чтобы мы сосредоточились на нашем мире, полном слез, и не признавали ужасов, скрытых в красоте за завесами и туманами. Я видела, что происходит с теми, кто выбрался.

Иногда они подменяют новорожденных на одного из своих, но чаще всего они их просто... забирают. Эти истории

живут в каждом из нас, они полны предостережений, правил о том, чего не следует делать. Как не быть похищенным. Как вернуться, если случится худшее.

Мы должны держаться подальше от леса в сумерках, в полночь и на рассвете. Народец тяготеет к этим магическим часам и склонен бродить по эту сторону завесы, выжидая идеальный момент для пакостей. Некоторые из наших предков даже утверждали, что нужно держать железо в обуви, чтобы оставаться прикованным к земле.

Если вы все-таки пересечете завесу, держите рот на замке. Ничего не говорите. Слова влекут за собой опасные последствия: любые еда или напитки, прозвучавшие из ваших уст перед Народем, могут привести к тому, что вы проведете остаток своей жизни, тоскуя по тем вкусам, которые когда-либо знали.

Никогда не разговаривайте с чужаками. Никогда не уходите с ними. Держитесь знакомых маршрутов.

А мы далеко, слишком далеко от знакомых нам путей.

– Делия, – шепчу я, едва ли заглушая звук наших шагов, сминающих сосновые иголки.

– Тише, – отвечает она, ее голос резок в темноте. Жесток и совсем не похожий на ее. Я нервно стискиваю зубы. Грэн всегда говорила, что однажды из-за Делии я попаду в беду. Не думаю, что та полагается на очевидное отсутствие у меня инстинкта самосохранения. Я знаю все это, так почему же, во имя всех светил, продолжаю следовать за ними? Мне

нужно вернуться, позвать на помощь. Даже если эти создания – смертные, они все равно незнакомцы, уводящие нас в темноту. Я всеми фибрами своей души чувствую, кто они.

Пока мы углубляемся в лес, деревья вокруг нас становятся все более странными. Их массивные ветви выглядят кривыми и неправдоподобными, практически разумными, как будто чувствуют наше приближение. Они сохраняют безмолвие между собой, что кажется слишком неестественным. За все годы наших приключений с Делией я никогда не видела лес таким. Что-то есть в этом затишье, необъяснимое чувство, которое заставляет меня осознать, что они ведут нас прямо к завесе. *Завеса*. Тот сокровенный уголок в моем сердце, который всю жизнь тихо сгорал от тоски, *наконец-то* перестает молчать. Я не могу найти в себе силы вырваться. Перестаю ощущать свои конечности, но не сопротивляюсь. Предвкушение скорого волшебства заполняет меня, заглушая предупредительные колокольчики, призыв, который я не хочу игнорировать.

Чувство вины комом встает в горле. В лице своей матери я получила наглядный пример того, почему нельзя доверять Народцу. Мы прожили вместе всего несколько лет, прежде чем она окончательно ушла. Живые призраки хуже мертвецов, честное слово. В те редкие моменты, когда она находилась в сознании, мы говорили о предупреждениях. Что бы она подумала обо мне, отправившейся вслед за Народцем, учитывая все то, через что они заставили ее пройти?

К тому времени, как мы потеряли ее, она стала пустой оболочкой женщины, которую феири вернули обратно в мир после того, как использовали ее для своих целей. Она медленно таяла, пока от нее ничего не осталось. Дрожь сотрясает мое тело. На ее месте можем оказаться мы. Это может случиться с нами.

Этой мысли достаточно, чтобы я уперлась пятками в землю.

Тот темноволосый парень, Гейдж, замечает, что я остановилась.

– Келлан, – зовет он. – Одна из твоих игрушек приходит в себя. – Он небрежно поправляет рукав своей рубашки, скрывая черные линии татуировки под тканью.

Келлан тормозит, а затем поворачивается ко мне, его рука беззаботно лежит на талии Делии.

– Фэйлинн, – ласково передразнивает он Делию.

– Отпусти ее, – тихо говорит ему Гейдж, и властные нотки пробиваются в его голос.

Келлан бросает на него недоверчивый взгляд.

– Да ты хоть представляешь, кто она?

– Представляю. Ты не знаешь, во что ввязываешься, маленький принц.

– Очевидно, устраиваю переворот, – отвечает ему Келлан, хищно ухмыляясь одним уголком рта. В ответ Гейдж направляется к нему, двигаясь сквозь темноту. Когда он приближается, тут же кивает в сторону.

– Отпусти ее, если она этого хочет, Келлан. – И сказав это, исчезает среди деревьев.

Келлан подталкивает Делию ко мне. Она крайне недовольна происходящим. Он целую минуту пристально изучает меня. Я и представить себе не могу, что он сможет хоть что-то разглядеть при слабом лунном свете, пробивающемся сквозь кроны деревьев, нависших над головами. Если только его глаза не обладают нечеловеческим зрением. Дрожь вновь проносится по телу.

– Ты знаешь, кто мы, – произносит он. И это не вопрос.

– Догадываюсь, – говорю я, слова Грэн заменяют мои собственные.

– А она нет. Или как минимум, – продолжает он, – в это не верит.

Он склоняет голову в сторону Делии.

– Она упряма до неприличия. – Кажется, Делия смутно понимает, что мы обсуждаем ее, а мой тон сложно назвать дружелюбным. Она хмуро поглядывает на меня, хотя в ее взгляде нет привычного безразличия.

Он вновь по-волчьи усмехается.

– Но ты идешь добровольно. – Парень проводит рукой по моей щеке, и его прикосновение почти обжигает мою холодную кожу.

Я резко вдыхаю через нос. Он почти подтвердил мои мысли, что они с Гейджем – представители Народца.

– Я не могу позволить вам забрать Делию.

В его глазах плескается озорство.

– Скажи мне, что ты не хочешь отправиться с нами. Скажи мне, что не хочешь все изведать. Что не жаждешь заглянуть за завесу. Если ты искренне в этом признаешься, я оставлю в покое прекрасную Корделию и вы обе сможете вернуться домой.

Я открываю рот, чтобы произнести именно это. И тут же закрываю, не найдя подходящих слов.

Здесь больше нет места для лжи – ни этому прекрасному и порочному созданию передо мной, ни самой себе. Нельзя сказать, что я не боюсь. Я росла, зная, что Народец может сотворить с человеком. Поэтому я в ужасе. Но мне хочется посмотреть на их мир, хочется узнать, что происходит, когда ты пересекаешь границу.

Он усмехается, довольный тем, что его догадка оказалась верной.

– Тогда возьми меня за руку, любовь моя, и следуй за мной.

Глава вторая

Я не принимаю его руку. Все, что связано с Народцем, имеет двойной смысл, пронизано туманными обещаниями, о которых вы понятия не имеете, пока не станет слишком поздно. Насколько мне известно, я могла бы взять его за руку и осталась бы прикованной к нему навечно, хотя во мне осталось немного здравого смысла, чтобы избежать случайного замужества с фейри. Однако Делия, похоже, все еще не понимает, куда попала. Она смотрит на странные деревья, окружающие нас, пустым взглядом. Мой желудок сжимается. Надеюсь, ей не подсунули кусочек какого-нибудь диковинного фрукта, пока я не видела. А может, она была слишком упряма, чтобы окружить себя защитой? Упрямство – одновременно лучшее и худшее ее качество. Но сегодня именно оно привело ее к неприятностям.

Хотя, наверное, в этом есть и моя вина.

Через лес просачивается туман, поблескивающий серебром в лунном свете. Грэн говорит, что завеса сама отбирает тех, кто может найти ее. Если Народец вышвырнет вас прочь, обратно вы больше не попадете. Врата в их мир могут выглядеть как угодно: трещина в скале, арка из переплетенных ветвей, ведьмины круги, глубокие пещеры или туман, возникающий без причины. Что угодно может оказаться проходом, если вы знаете, где искать, и если магия готова встре-

тить вас.

Деревья будто чувят приближение волшебства. Ветви словно отяжелели в предвкушении, отягощенные испанским мхом и собственными тайнами. Мне всегда казалось, что в дубах таится немного магии, какая-то загадка. Я провожу рукой по коре одного из деревьев, нуждаясь в осязаемом доказательстве того, что нахожусь здесь и сейчас.

– Ты готова? – спрашивает Келлан, останавливаясь по ту сторону тумана. На меня он не смотрит.

Парящая белая линия кажется почти цельной, но в ней извиваются молочного цвета нити, как будто они могли бы обернуться вокруг нас, если бы захотели. Келлан ударяет по одной из них ногой, и та рассеивается подобно обычному туману.

– Я не понимаю, зачем это делаю, – честно признаюсь ему. Если Делию уже заколдовали, значит, и меня тоже. Правда, я этого совсем не чувствую.

– Рано или поздно магия зовет нас домой. – Он пересекает границу прежде, чем я успеваю спросить, что все это значит. Делия исчезает следом, оставляя меня одну на границе с миром фейри.

Пuls отдается в висках, каждый второй удар – сплошное противоречие. *«Сделай шаг, всего один. Нет, беги домой, беги домой, беги домой. Один лишь шаг, только один»*. Восторг и страх, удивительный союз эмоций, вызывают нехорошее предчувствие в моем животе.

Мне требуется всего два шага, чтобы пересечь туман. Мои уши закладывает от смены атмосферы, которая осталась не замеченной для остальных частей моего тела. Прохлада серебристого тумана струится по моей коже, несмотря на неприятную влажность, которая следовала за нами через миры. На мгновение запах жасмина поглощает меня – голова кружится, а зрение мутнеет. Лучи раскаленных огней парят в воздухе перед моими глазами, вспыхивая голубым, фиолетовым и зеленым светом на ветвях скрипучих дубов.

В кронах деревьев прячутся глаза. Я замечаю их, когда мое зрение фокусируется, но сквозь повисшую тьму не получается разглядеть, каким существам они принадлежат. Мое сердцебиение то замедляется, то ускоряется, стоит мне повернуться к ним спиной. Но у меня нет выбора. Впереди, на поляне, меня поджидают куда более опасные вещи.

Раскачивающиеся огни проплывают по группе оголенных мужчин, чьи части тела переходят в козлиные ноги. «Сатиры», – подсказывает память: общие знания мифологии настолько укоренились в сознании, что мне не нужно их искать. Сатиры беззастенчиво пялятся на скопление полуобнаженных нимф, чья сверкающая кожа, словно из драгоценных камней, того же цвета, что и прекрасные длинные волосы. Высокий сатир со спутанными волосами и клочковатой шерстью улыбается мне, и у меня сжимается желудок, колени подрагивают.

Повсюду снуют незнакомые мне создания со слишком

длинными конечностями или чертами лица, выточенными из мха и всевозможных растений. Мой взгляд произвольно скользит по толпе, случайно натываясь на существо с серой кожей, покрытой острыми чешуйками, струящимися по гибкому телу. Оно раздраженно шипит на группу морщинистых ведьм с чернильно-черными глазами, чьи ногти кладают друг о друга. На другой стороне поляны – изящные женщины в сияющих одеяниях безмятежно скользят мимо закутанной в плащ фигуры, хотя я замечаю, как некоторые из них украдкой оборачиваются на него. Не могу их винить за это: у меня дрожь пробегает по телу от желтых глаз и тьмы, скрытых за капюшоном.

Я знаю, что должна быть напугана, но замираю с нескрываемым восхищением. Цветы усеивают землю вокруг меня, они сияют под чересчур ярким мерцанием полумесяца. Я наклоняюсь, чтобы дотронуться до одного из них, и мои пальцы окрашиваются в серебряный цвет.

Келлан пробирается сквозь толпу ко мне, его руки широко раскрыты в знак приветствия. Его *свободные* руки.

У меня перехватывает дыхание.

– Где Делия? – *«Светила небесные, не могла же я потерять ее»*. Хочется пнуть себя. Мне нельзя терять бдительность, если мы собираемся выбраться отсюда.

Он небрежно машет рукой в сторону компании нимф, среди которых стоит Делия. Сапфировые изящные пальцы скользят по голове Делии и вплетают соцветия в ее волосы.

Делия закрывает глаза, отдаваясь на волю прикосновениям.

– Успокойся, полукровка. Все с ней хорошо.

Я моргаю, все мое нутро скручивает тугим узлом от беспокойства, услышав «полукровка».

– Как ты меня назвал?

Улыбка у него пренебрежительная и обезоруживающая. Должно быть, я ослышалась.

– Не пропусти главное событие вечера, милая Фэйлинн. – Он указывает на середину поляны, где открылась завеса, на зияющую дыру в земле.

В лунном свете едва ли заметны очертания первых ступеней, ведущих вниз. Даже на расстоянии я чувствую зов какой-то первобытной магии, взывающей ко мне из темноты. Мне приходится встряхнуться, чтобы не шагнуть навстречу.

Я вот-вот расхожусь; из груди вырывается смешок, в котором нет ни намека на веселье, когда оборачиваюсь к Келлану. Он же это не серьезно. Пересечь завесу – это одно, а вот спуститься под землю – совершенно другое. Только Келлан уже исчез, проскользнул обратно в толпу, настолько плотную, что я быстро теряю его из виду.

Плевать. С меня... хватит. Я насмотрелась на невиданных существ, увидела растительность, источающую магию. Я должна вытащить нас отсюда, пока все не зашло слишком далеко. Сатир пристально смотрит в мою сторону, и я вздрагиваю. «Пора домой, Делия».

Вновь сканирую толпу, выискивая ее, но компания нимф,

заплетающих волосы Делии, ушла. И, пока я судорожно оглядываюсь по сторонам, часть меня знает, куда они ее увели. К той темной дыре в открытом поле, пульсирующей магией, призывающей меня с простым намерением: «Приди, приди, приди».

Я делаю шаг вперед, не успев обдумать эту мысль. Я *не могу* бросить Делию, но... Я выравниваю дыхание и еще раз осматриваюсь вокруг, оценивая обстановку. Сатир так и не отвел взгляд от меня, его глаза пугающе черны в сиянии блуждающих огоньков. Но его лицо безмятежно и показывает эмоций не больше, чем камень. Не знаю, представляет ли он из себя угрозу, но на всякий случай запоминаю его. К счастью, никому больше нет до меня дела. Я просто еще одна смертная, очередной человек в их нечеловеческом мире. Если верить историям, к подобному зрелищу они уже привыкли.

Историям. О пропавших смертных, которые ушли навсегда или которых выплюнули обратно в мир, где им больше не место. Во мне просыпается решимость. Я не позволю Делии или себе стать следующим подменышем – следующей похищенной девушкой.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не побежать. Некоторые существа здесь с радостью бросятся в погоню. Я думаю о матери, чтобы сохранить контроль над собой, ее голос следует за мной, отдается эхом с каждым шагом, пока я пробираюсь в темноте.

Будьте вежливы. Не лгите. Не обещайте того, чего не сможете дать. Они заставят ответить за свои слова.

Ничего не дается бесплатно. Не благодарите. Иначе признаете, что за вами должок.

Фейри жестоки в своих играх. Прячьте свое сердце поглубже.

Не следуйте за музыкой. Не танцуйте. Начнете и уже не сможете остановиться.

Я упорно цепляюсь за последнее наставление, пока музыка клубится вокруг моих лодыжек – дикая, беспощадная, настойчивая, – побуждая меня шагать в два раза быстрее. Различаю скрипку и барабаны, но пробиваются и другие инструменты, которые я не признала бы, даже будь они передо мной. Их звучание древнее. Первобытное.

Народец спускается вместе со мной по ступенькам, но никто из них не двигается настолько осторожно. Рогатое существо с нездорово-зеленой кожей пихает меня локтем, когда он и четыре нимфы проскальзывают мимо, как будто музыка влияет и на них, манит их так же, как пытается завлечь меня. Звук наших шагов, цокающих по каменной поверхности, резонирует сквозь музыку. Земля возвышается над моей головой, но лестница продолжает уводить все дальше в темноту. Множество блуждающих огней порхают сверху и снизу, отбрасывая слабое свечение на выточенный временем камень. Вниз, вниз, вниз. Лестница сужается и меняет направление, погружая меня под землю. Я уже так глубоко, что совсем не

чувствую летней жары. Капли пота подсохли, оставляя после себя леденящую прохладу. У меня болят мышцы – крутой спуск дает о себе знать.

Наконец мерцание впереди меня становится интенсивнее, пульсирует яркими красками, в отличие от огней, тянущихся вдоль лестницы. Музыка повторяет их каденции, или, может, огни соответствуют музыке. Я не уверена. Но во всем этом чувствуется устойчивый, требовательный ритм. Чем громче он становится, тем сильнее мой собственный пульс подчиняется этому такту. На последней ступеньке я отхожу в сторону, прижимаясь к проему на входе в огромную подземную пещеру – природный грот, заполненный Народцем. Пространство вокруг выложено грубо отесанными серыми и белыми камнями. Сталактиты свисают сверху, словно капли воска со свечей, горевших чрезмерно долго. Огни растворяются где-то высоко в непроглядной тьме.

Народца тут гораздо больше, чем на поверхности. Девы с цветами, вплетенными во влажные волосы, и острыми, как иглы, зубами; сатиры, хитро взирающие на всех и протягивающие руки; смуглые домашние духи, чьи мягкие и печальные голоса поют для себя и каждого, кто осмелится слушать. И я не понимаю почему, но мое сердце подпевает, словно последний фрагмент головоломки встал на свое место. Никогда не думала, что смогу когда-нибудь отыскать его, и обнаружив, не знаю, как жила без него раньше.

Они существуют. Все они восхитительно реальны, двига-

ются под раскачивающимися ветвями; фиолетовые, синие и зеленые огни сверкают над ними, когда они кружатся в танце и...

И они прерывают свое веселье, поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня.

Внимание волшебного Народца – это нечто невообразимое. Они, не мигая, смотрят, и в их пронизательных глазах столько знаний, что мне становится не по себе. Пока сквозь толпу до меня не доносится до боли знакомый голос.

– Фэйлинн, любовь моя! – Голос Келлана словно становится неким стимулом, разрушая повисшее напряжение, и феири вновь пускаются в пляс. Я дрожу и тяжело вздыхаю, пытаюсь взять себя в руки, прежде чем сделать шаг вперед.

– Просто Фэй, – поправляю его, даже не замечая этого; дурная привычка, укоренившаяся во мне с детства.

Гейдж материализуется с краю толпы и направляется ко мне, последовав за Келланом. Народец расступается перед ним.

Я оглядываю их обоих, но мой взгляд замирает на Келлане.

– Хорошо, – говорю недовольно я. – Я здесь. А куда делась Делия?

Гейдж чертыхнулся на незнакомом для меня языке.

– Ты потерял одну из них?

Келлан сосредоточенно рассматривает пятнышко на ноге.

– «Потерял» звучит так, будто я собирался оставить ее себе, – рассеянно сообщает он Гейджу.

Гейдж сжимает переносицу.

– У меня нет на это времени, маленький принц. Найди девчонку и отправь их домой. Меня ждут дела. – Он разворачивается, собираясь вновь исчезнуть в толпе.

Келлан усмехается, в его глазах плещутся лукавые искорки, когда он кланяется Гейджу.

– Мои извинения, но я не служу тебе. – Гейдж быстро окидывает его взглядом, и между ними разгорается противостояние, которое, как мне кажется, началось задолго до этой ночи. Гейдж бросает на меня еще один долгий, суровый взгляд, а затем снова отворачивается.

Он успевает сделать несколько шагов, прежде чем Келлан окликает его:

– Да ладно тебе, король Гоблинов. – Слова заставляют Гейджа замереть на месте, но он не поворачивается. – В Лощине запрещено использовать чары. Боюсь, таковы правила.

Я слышу что-то похожее на рычание, вырвавшееся из груди Гейджа, – резкий выдох, и с него будто сходит пелена тумана. Его одеяние сменяется на облегающую тунику и брюки, напоминающие костюмы из старых фильмов. Рукава украшены вышивкой и парчой, черное на черном с золотыми вкраплениями. Он вылитый король-воин, который без колебаний уничтожит любого на своем пути. Тени исходят от его татуировок вихрями, извиваясь и сменяя друг

друга, словно наделены собственным разумом. В его волосах торчит скромный золотой венец, съехавший набок благодаря двум изогнутым рогам, выступающим от корней волос. Я моргаю, смена облика оказалась слишком внезапной. Он не оборачивается, лишь показывает Келлану неприличный жест, пробираясь сквозь толпу.

Я вновь обращаю свой взор на Келлана, чей облик тоже изменился, хотя и не так резко. Его наряд сменился на бронзовую тунику и брюки, в которых предстал передо мной Гейдж, но одеяния Келлана гораздо изысканнее, с весенними цветами, вышитыми на воротнике и манжетах.

Он немного придирчиво рассматривает ткань.

– Знаю, – говорит он мне. – Немного старомодно, но придворный этикет вынуждает.

Я смотрю на него. Как будто *это* меня сейчас волнует.

Кажется, поверх его плеча я замечаю женщину с копной черных волос с вплетенными в них полевыми цветами.

– Делия! – Я бросаюсь за ней, но Келлан хватает меня за запястье.

– Извини, любовь моя, но правило «никаких чар» распространяется и на тебя.

– О чем ты говоришь? – спрашиваю я, отталкиваясь от него, чтобы добраться наконец-то до Делии, пока она снова не пропала. – Делия!

Она пробирается между созданиями в толпе. Их руки тянутся к ней, касаются ее кожи.

Келлан восторженно ухмыляется.

– Ты ничего не знаешь, не так ли?

Я пытаюсь вырвать свое запястье, но он не двигается с места.

– Келлан, отпусти.

– Как там люди говорят? – спрашивает он, глядя наверх. –

Про пластырь?

– Что?

– Ну, что-то о том, как его срывать? Боюсь, я в этом не совсем разбираюсь, никогда не пользовался подобным. – Он пожимает плечами, довольствуясь разговором с самим собой. – Ну что ж, давай попробуем.

Он смыкает пальцы над моей головой и шевелит ими так, словно нашел невидимую нить и тянет ее на себя. Мир начинает вращаться, сходит со своей оси, а затем так же внезапно замирает, оставляя после себя головокружение. Но, как только он отдергивает пальцы, я чувствую свежий поток воздуха, обдающий мою кожу, словно никогда прежде не ощущала дуновения ветерка, – как будто моя кожа совсем новая. Я пытаюсь вдохнуть, но воздух теперь имеет другой вкус, освежающий и чистый, наполненный множеством других ароматов.

– Было не так уж сложно, – замечает Келлан, встряхивая руками. – В любом случае они практически рассыпались.

– Что ты сделал? – спрашиваю я, пытаюсь устоять на трясущихся ногах.

– Снял с тебя чары. Очевидно же.

Я качаю головой.

– Люди не умеют использовать чары.

Он усмехается.

– Вот именно. – Его слова вселяют в меня беспокойство.

Боль пульсирует в висках, будто хочет уловить ритм звучащей музыки.

– Я...

– Сейчас самое время довериться своим ощущениям, милая Фэйлинн, – говорит он, приподнимая мою руку, чтобы поцеловать костяшки пальцев, как менее часа назад целовал руку Делии.

Костяшки. Их три пары, а не две, как прежде; мои пальцы стали длинными и искривленными, совсем не похожими на человеческие.

Холод обволакивает мои легкие, и я забываю, как дышать. Но напряжение в теле ослабевает от переизбытка чувств, которым я не могу дать объяснений. Моя кожа покрывается мурашками, пальцы на ногах поджимаются, и что-то похожее на ликование расцветает в груди. Это ощущение... *приятное.* Но какая-то часть внутри меня не хочет этого. Мое беспокойство возрастает с каждой минутой. Я поднимаю на него взгляд и смотрю ему в глаза.

– Я не понимаю.

Он недовольно ворчит.

– Вообще-то у меня тоже найдется парочка вопросов. И

пусть я хотел бы остаться и посмотреть, чем все это закончится, боюсь, у меня на сегодня еще назначены встречи.

– Но...

Он указывает пальцем куда-то в сторону постоянно изменяющейся, раскачивающейся толпы.

– Ты кое-кого забыла, – шепчет он. Когда я оборачиваюсь, он встает рядом со мной и обнимает меня за плечи. – Ты бросила свою дорогую подругу Корделию среди Народца. Боюсь, эта игра опасна. – Он по-кошачьи улыбается в отблесках огня, пляшущих вокруг нас.

– Делия, – выдыхаю я имя. Мой пульс учащается. Она слишком долго находится без меня. Я отстраняюсь, но он снова останавливает меня, насмехаясь над выражением моего лица.

– Ты нравишься мне, бедная заблудшая овечка. Поэтому я готов оказать тебе услугу.

– Услугу? – переспрашиваю я. Благосклонность фейри бесценна, но будьте готовы к тому, как дорого она вам обойдется.

Он, кажется, понимает ход моих мыслей и протягивает руку.

– За мой счет, дорогая. Думаю, тебе понадобится помощь, прежде чем все закончится. Готов поспорить, не один раз. Я готов предложить свою услугу, если понадобится.

Мне противна даже мысль о том, чтобы принимать какую-либо помощь от фейри, особенно от него. Я стискиваю

зубы.

– Я буду в порядке.

Он хохочет, запрокинув голову назад, слишком довольный собой или мной, а может, комбинацией того и другого.

– Я пригожусь тебе, любовь моя. Оставь пучок полевых цветов на подоконнике, и я приду на зов.

Я провожу рукой по своим кудрям, осматривая толпу, пока мои пальцы не цепляются за неаккуратный пучок.

– Ты мог бы помочь мне найти Делию, – произношу я, с трудом проговаривая слова. – Помоги найти ее.

Он отвечает:

– Боюсь, я уже и так сильно задержался. Спрос на меня сегодня вечером крайне высок.

Я усмехаюсь, но он либо не замечает, либо ему все равно. Вместо этого он дергает за прядь волос, выбившихся из пучка на моем затылке.

– Мне нравятся фиалки. – Он подмигивает мне, поворачивается на пятках и исчезает. Растворяется в мгновение ока.

Мое сердцебиение вновь замедляется.

Громкий *раскат* прорывается сквозь музыку, останавливая веселье Народца. Танцоры в изодранных одеяниях замирают, и даже сатиры перестают пялиться на всех подряд. Они поворачиваются к возвышающемуся помосту в центре, под идеальной аркой, созданной самой природой, в пещере, где рассеянный лунный свет проникает из какого-то проема, которого я не вижу.

Тени, исходящие от Гейджа, окутывают его, словно темная аура. Несмотря на расстояние, я вижу, как венец сверкает на его голове. Он ждет, пока внимание толпы не сосредоточится на нем, и затем передает посох в руки изящной голубой нимфе, стоящей справа от него. Она забирает его, держа вертикально одной рукой, а другой расслабленно опирается на меч, закрепленный на ее правом бедре. В отличие от других нимф, облаченных в струящиеся прозрачные платья, на ней доспехи. Клянусь, на долю секунды ее бездонные глаза встречаются с моими.

– У нас гостя, – начинает Гейдж и находит меня в толпе. Никто не оборачивается, но я чувствую их косые, любопытные взгляды. – Заблудшая дочь вернулась домой. – Он хлопает в ладоши, медленно, почти издевательски. Толпа поддерживает его, отовсюду раздаются аплодисменты, пока существа обмениваются растерянными взглядами между собой. Мое сердце сжимается в груди.

«Дочь?»

– Но для нашего вернувшегося сородича припасено испытание, – сообщает Гейдж. – Вызволить смертную, находящуюся среди нас, до первых лучей солнца. – Он оглядывает толпу. – Справедливая задача, не правда ли?

Смех, с шипением и гулом отражающийся от стен пещеры, пробирает меня до глубины души. Нет, я полагаю, это совсем не справедливо.

– Тогда решено. Пусть она заслужит место среди нас. –

Смех смолкает. Его жестокая и красивая ухмылка предназначена для меня. – Добро пожаловать в Подземелье.

– Когда я, черт возьми, успела перейти ему дорогу? – бормочу себе под нос. Но сквозь раздражение пробивается лишь слово «*сородич*», поражающее, бушующее, непоколебимое, словно океан. Я сглатываю. Тягостное предчувствие грозит свалить меня с ног: облегчение, которому не могу найти объяснения, и ужас, хорошо мне понятный, бурлят в груди, подобно водовороту. Но у меня нет времени, чтобы соединить все фрагменты воедино. Я должна найти Делию, а Гейдж только что усложнил мне задачу.

Снова зазвучала музыка, зажигательная джига, и Народец вернулся к своим безудержным танцам, от движений которых у меня кружится голова. Я вздрагиваю от внезапного вихря движений. Понятия не имею, сколько времени прошло с тех пор, как я пересекла завесу. Время здесь обычно идет по-другому, не всегда в пользу человека. Я не имею права мешкать. Если не вытащить Делию отсюда, то велика вероятность того, что никто из нас больше не увидит солнечный свет.

«Заблудшая дочь. Сородич, сородич, сородич...»

Нет. Я отгоняю эту мысль. Не позволяю себе думать об этом прямо сейчас. *«По одной проблеме зараз. Сначала Делия, а потом, если смогу вернуть нас домой, я устрою допрос Грэн».*

А пока мне нужно продержаться и не смотреть на свои

руки.

Я исследую пространство перед собой, выискивая что-нибудь знакомое: вспышку темных волос или летнее зеленое платье. Но цвета вокруг меня пляшут и переливаются, и теперь я уверена, что мне придется приложить для решения задачи куда больше усилий, чем просто заметить ее в толпе. Я пробираюсь по краю танцующих, приподнимаясь на цыпочки, чтобы рассмотреть головы, рога и растения. Их наряды так же разнообразны, как и их внешность. Некоторые решили последовать примеру своего короля, облачившись в туники и экстравагантные балльные платья из нескольких слоев атласа и вышитой ткани, эффектно сверкающей над неровной поверхностью. Но остальные, кто вырядился так, словно они подростки, отправляющиеся на вечеринку, приводят меня в недоумение. Пара зеленокожих фейри с острыми, как кинжалы, зубами, проскользнула мимо меня в джинсах – и не думаю, что когда-либо видела что-то более сюрреалистичное. С трудом удерживаю себя от того, чтобы не пялиться на какое-либо существо слишком долго. Они же без всякого стеснения разглядывают меня, когда я пересекаюсь с ними. Именно этими созданиями я грезилась всю свою жизнь, даже если и было отчасти страшно.

Я подхожу к длинному невысокому столу, застеленному серебряной скатертью, на котором расставлены многочисленные тарелки с едой, чаши и бутылки с напитками. Нимфа разливает жидкость в маленькие кубки в форме лотоса и

раздает их. С ее ушей свисают витиеватые серьги, которые, клянусь, я видела на Делии сегодня вечером. Я пробираюсь к ней, стараясь не переходить на бег. Она смотрит на меня, и румянец подчеркивает розовый тон ее кожи. Она заправляет серебристые волосы за ухо.

– Где Делия? – спрашиваю, тщательно подбирая слова. Я не уверена, можно ли говорить «пожалуйста», если запрещено «спасибо». Слова могут привязать вас к Народцу, даже самые простые из них могут дать им власть над вами.

– Со мной ее нет, – коротко отвечает мне нимфа. Она играет со своими сережками, и я убеждаюсь в своей правоте.

– Ты можешь сказать мне, где я могу ее найти?

– Я могу сказать, где видела ее в последний раз.

Мое сердцебиение учащается.

– Не поделишься? Пож... – Я вовремя замолкаю, прикусив губу. Каждое слово. Мне нужно следить за каждым своим словом. – Я была бы признательна за твою помощь.

Она злобно скалится.

– И даже не скажешь «спасибо» и «пожалуйста»? – интересуется она. – Ужас, где твои манеры? – Есть что-то насто-раживающее в ее фальшивом южном акценте.

Я бросаю взгляд на застывшие капли крови на ее серьгах, словно она только что проколола уши.

– Как насчет обмена?

Ее длинные, заостренные уши подергиваются в предвкушении.

– У тебя есть что мне предложить?

Я медленно стягиваю с волос пурпурный бархатный гребень, создавая вид, будто мне невыносимо расставаться с ним. Больше всего на свете Народец любит вещи, которые не хотят отдавать.

– Этого достаточно?

Жадный блеск в ее глазах говорит мне, что моя затея удалась. Она кивает, не отрывая взгляда от меня.

Я протягиваю его нимфе.

– Что ты можешь мне рассказать?

Она накрывает рукой гребень и смотрит мне в глаза.

– Я скажу, где видела ее последний раз. Но не могу гарантировать, что она все еще там.

Я крепче сжимаю гребень.

– Ты видела ее здесь, в пещере, не так ли?

Ее широкая улыбка пугает.

– Взгляни на себя. Поняла правила игры. – Когда я ничего не отвечаю, она закатывает глаза. – Да, в Подземелье. Она танцевала с дриадами. – Нимфа кивает на помост. – Им нравится находиться в обществе короля.

Я расслабляю руку, и она прижимает изделие к носу, глубоко вдыхая.

– Мм. Пахнет смертной жизнью.

Я поспешно удаляюсь, никак не комментируя ее последние слова, хотя она и нервирует меня.

– Поторопись, – кричит она мне в спину. – Подобных сто-

лов много в Подземелье. Будет обидно, если ты найдешь ее, но не сможешь удержать.

Я ругнулась, да так громко, что стоящий рядом сатир обращивается и смотрит на меня. Он хмыкает, притоптывая ногой по полу.

Делия должна контролировать вылетающие из ее рта слова, но и нам обеим не стоило забывать, что нельзя разговаривать с чужаками или следовать за ними. Я посылаю безмолвную молитву всем звездам, которые наблюдают за нами, и спешу сквозь толпу к помосту.

Прокладываю себе дорогу, обходя танцоров, которые, как я предполагаю, умышленно кружатся на моем пути. Пара оленьих рогов почти пронзает мой живот, когда их владелец исполняет сложный маневр передо мной. Когда острые концы задевают край моей рубашки, наши взгляды пересекаются, и мальчик, в облике которого угадываются черты оленя, одаривает меня безумной ухмылкой. Его смех, бьющий мне в спину, пока он преследует меня до помоста, звучит неестественно.

Гейдж сидит боком на троне, высеченном из того же камня, что и вся пещера, – но выглядит он так, словно его вырастили, а не выточили. Я не смотрю ему в лицо, но краем глаза замечаю, что он наблюдает за мной. Голубая нимфа рядом с ним находится в боевой готовности, ее глаза устремлены на меня, словно от меня исходит угроза. Позади помоста я вижу дриад. По крайней мере, я надеюсь, что это они. Одни

из немногих существ, о которых мама рассказывала мне в подробностях.

Дриады живут внутри деревьев. Их сердца – это сердца зелени и другой растительности. Их кожа напоминает кору березы, а черты лица состоят из сучков, колючек, мха и листьев. Та, что стоит ближе, оборачивается ко мне, когда я приближаюсь, и безмятежное выражение ее лица сменяется на хмурое.

– Она была с вами, – начинаю я, осматривая древесный народ, покачивающийся не в такт пульсирующей мелодии.

Дриада кивает, но я ловлю ее взгляд, устремленный на помост позади меня.

– Он не говорил, что вы не можете мне помогать, – шепчу я, догадываясь о ее намерениях.

– Это подразумевалось. – Ее слова звучат как дыхание ветра в ветвях, такие же тихие и едва уловимые. Остальные за ее спиной продолжают покачиваться, довольные тем, что она взяла разговор на себя.

– Она все еще в порядке? – спрашиваю я.

Она наклоняет голову, задумавшись. Листья в ее волосах шелестят от этого движения.

– Да. Пока. Цела. – Она делает паузу, обдумывая свои слова, и я беспокоюсь, что мое время закончится раньше, чем она заговорит. Я сжимаю руки в кулаки, стараясь приглушить вспышку раздражения. – Все еще. Незапятнанная.

Это слово бросает меня в дрожь.

– Куда она направилась?

Женщина не отвечает. Но дриада помоложе, стоящая за ее спиной, указывает пальчиком прежде, чем остальные успевают остановить ее. Затаив дыхание, я ухмыляюсь этому созданию и срываюсь на бег.

Это становится моей ошибкой.

Из толпы ко мне начинают тянуться руки, они толкают и дергают, умоляя остановиться. И, если бы все прикосновения были грубыми, возможно, мне было бы легче сопротивляться. Но они вертят мной. Втягивают в свои танцы. Ведут меня, словно дурочку. Кружат мою голову. Целуют щеки и руки, ласково улыбаются. Я отстраняюсь – пытаюсь отстраниться, – но вокруг только руки, еще больше рук. Я дотрагиваюсь до них в ответ и прихожу в восторг. Касаюсь шерсти на затылке сатира, прежде чем успеваю остановить себя. Он наклоняется ко мне, и из моего горла вырывается смущенный смех.

Другой его собрат обхватывает меня за талию и увлекает за собой в водоворот. Его копытообразные ноги выделывают сложные па. Он пытается научить меня, я изо всех сил стараюсь повторить за ним, но его рука скользит по моему бедру, и я уворачиваюсь. Девушка с нежно-зеленой кожей и волосами цвета плодородной, темной земли ловит меня и заключает в объятия. Я объясняю ей, что должна идти, но не помню, куда и зачем. Она восторженно смеется, уткнувшись лицом в мою шею. Ей нравится прижиматься ко мне. Думаю,

я могу задержаться еще немного. Зачем вообще куда-то торопиться?

В воздухе витает запах лаванды. Я поднимаю голову и вижу, как ночное небо принимает форму высокой женственной фигуры. Плеяды порхают по ее коже, словно ожившие веснушки, и я замороженно смотрю на нее. Это ее история, которую я никогда раньше не слышала.

Она опускается к нам, и девушка крепче обнимает меня.

– Моя, – твердит она, и я кожей своей щеки ощущаю, как ее полная нижняя губа выпячивается.

Высокорослое создание улыбается, стоя перед нами на коленях, как будто на темной стороне ее лица открывается трещина, сквозь которую пробивается звездный свет. Она не издает ни звука, но девушка отпускает меня с хныканьем и ускользает обратно в толпу. Без ее прикосновений моя кожа покрывается мурашками. Кажется, впервые за долгое время я совершенно неподвижна, и мои мышцы горят от боли гораздо сильнее, чем должны. Вдыхаю и судорожно оглядываюсь по сторонам. Чувство времени потеряно, я дезориентирована и не знаю, в каком направлении должна была идти, чтобы найти Делию. Из моей груди вырывается всхлип отчаяния.

– *Будь спокойна, давняя подруга.* – Она не произносит эти слова вслух, но я отчетливо слышу их, каждое слово отпечатывается в моем сознании. – *У нас мало времени.*

– Я... я не знаю тебя, – говорю ей.

Она наклоняет голову.

– Ты знала. И вспомнишь вновь. Время – сложная штука. – Я не знаю, что ответить, но она и не ждет ответа от меня. – Ты найдешь свою подругу под столами. Она уснула.

– Уснула? – переспрашиваю. Я оглядываюсь через плечо. Столы, на которые она намекнула, находятся не так уж далеко.

– Мм. Она доставляла много хлопот, было сложно угнаться за ней и одновременно присматривать за тобой. – Она издает щебечущий звук, похожий на стрекотание сверчков на закате солнца. – Знаешь, я уже не так молода, как раньше.

Я хмурюсь. Но кое-что еще меня беспокоит. Это слишком просто.

– Он будет недоволен, – говорю я, поглядывая на помост. Гейдж выглядит скучающим, его голова откинута назад, глаза прищурены, а зрение расфокусировано. Но я всем своим телом ощущаю его взгляд.

Создание передо мной поднимается во весь рост.

– Немногие могут противостоять Темному королю. И мало тех, ради кого я готова пойти на такое.

Я вздрагиваю. «Темный король. Так вот в чей двор я попала». Народец – сам по себе опасный вид, но Неблагой Двор имеет просто ужасающую репутацию. По крайней мере, так сообщалось в преданиях, которые я читала.

Она заправляет мне за ухо выбившуюся прядь, от ее слов

и холодных пальцев на моей шее бегут мурашки. Этот жест такой добрый, такой знакомый, что у меня разрывается сердце.

– Я не знаю тебя, – повторяю я, позволив эмоциям выплеснуться в слова.

Звездный свет ее улыбки тускнеет, наполняется той же грустью, что и ее голос в моей голове:

– *Ты знала, давняя подруга. И снова узнаешь. Я найду тебя, когда придет время.* – Она не ждет моего ответа, скользит сквозь толпу к каменной лестнице. Танцующие почти благоговейно расступаются перед ней.

Когда ее звездное сияние исчезает из поля моего зрения, я прижимаю руки к груди, пытаюсь подавить нарастающую там тоску. Мое естество знает это создание на каком-то глубинном уровне, там, где это имеет значение. По крайней мере, я так думаю, хотя у меня нет никаких воспоминаний, которые можно было бы извлечь. Кончики моих пальцев касаются щек, и я с удивлением обнаруживаю, что они влажные. Я совсем не понимаю, что происходит в этой пещере, но наше время на исходе. Я поворачиваюсь, едва сдерживаясь, чтобы не сорваться на бег, и направляюсь к столам. Приподнимаю скатерть и приседаю.

В нескольких шагах от меня Делия свернулась калачиком, ее волосы беспорядочно рассыпались по полу вокруг нее. На платье несколько прорех, но в остальном она выглядит целой и невредимой. Дыхание медленное и ровное.

Я подползаю к ней.

– Делия, – зову я. Она не шевелится, даже когда я повышаю свой голос, повторяя ее имя снова и снова. Протягиваю руку, чтобы встряхнуть ее, но останавливаюсь, положив руку ей на плечо.

Удивительно, что мы воспринимаем самих себя как должное изо дня в день. Не помню, когда последний раз смотрела на свои руки, действительно рассматривала их. Но сейчас... Они начинают дрожать. Что-то не так с ними, со мной. Моя кожа сияет в тусклом свете, по-прежнему бледная, но почему-то переливающаяся. Я сжимаю пальцы в кулак, проверяя. Они загибаются в идеальную О-образную форму, и я сдавленно вскрикиваю.

Делия наконец-то просыпается. Она потягивается, как будто видела лучший сон в своей жизни. Пока ее глаза не открываются и не видят меня.

Она вскрикивает и резко дергается, ударяясь головой о стол.

– Это я! – кричу я, протягивая к ней руки. Она отшатывается к ножке стола. Я опускаю руку, чувствуя лишь холод, растекающийся по телу: что такого она увидела во мне, чтобы так отреагировать?

Скатерть над нами рассеивается внезапной волной света. По пещере прокатываются аплодисменты. Я вслепую хватаюсь за Делию – мои странные удлиненные пальцы смыкаются на ее лодыжке, – когда высокая фигура наклоняется, что-

бы посмотреть на нас. Делия извивается, но моя хватка надежна и непоколебима.

Гейдж замечает, что я удерживаю Делию за лодыжку, и встречает мой взгляд. В полумраке пещеры его глаза абсолютно черные, а не просто подернуты тенью.

– Испытание окончено, – объявляет он толпе, не выпрямляясь. Он не кажется довольным, но его голос спокоен. – Добро пожаловать домой. – Последнее слово он произносит полупшепотом, пока толпа позади него ликует, глумится и кричит. Он протягивает мне руку.

Я смотрю на Делию, чье красивое лицо потеряло все краски.

– Не думаю, что могу отпустить ее.

– Зачаруй ее, – говорит он отрывисто, все еще протягивая руку.

– Я не могу... – Это... я способна на нечто подобное? – Я не знаю как.

– Конечно нет, – бормочет он, закатывая глаза, а затем поворачивается к Делии и щелкает пальцами.

Она тут же прекращает свои попытки вырваться, на секунду замирает и выглядит ошеломленной.

– Идем, – говорит он.

Я неохотно принимаю его протянутую руку, когда Делия повинуется, и ее движения кажутся механическими. Он рывком поднимает меня на ноги и отпускает, как только я оказываюсь в вертикальном положении. И обращается к Делии: –

Поднимись по лестнице до самого конца, – говорит он мягко и спокойно. Она смотрит, застыв на месте. – Ступай домой и забудь обо всем, что произошло сегодня ночью. – Никогда не уходи с незнакомцами. Это небезопасно.

Я горько смеюсь. *Ни черта* подобного.

Делия стремительно убегает.

– Делия, подожди! – Она даже не останавливается, пока взбирается по ступенькам с непоколебимой решимостью. – Что, во имя всех звезд, это было? – спрашиваю я, поворачиваясь к Гейджу. – Какие, черт возьми, игры ты и твой друг Келлан ведете?

– Я бы не стал называть Келлана своим другом, – отвечает он, наливая пунш в два кубка, формой напоминающие цветы лотоса. – А что касается остального... – Он прерывается, протягивая мне одну из чашек.

Я качаю головой.

– Не стоит. Я слышала немало историй, чтобы понимать, как это небезопасно.

Он все же вкладывает чашку в мою руку.

– И эти истории правдивы. Для смертных.

– Ох. – Я бросаю взгляд на руку, обхватившую граненый кубок из хрусталя, удивляясь, как что-то может быть таким знакомым и таким чуждым одновременно. – Я... думаю, уже не смертная.

Гейдж без особого энтузиазма чокается со мной.

– Ты никогда и не была. – Он опустошает свой кубок, и

после секундного колебания я повторяю за ним.

Напиток проникает в мое горло, как зимний ветер, такой же бодрящий, прозрачный и чистый. В голове малопривлекательно мутнеет, а по легким проносится холодок.

– Ты не знала? – Его черные и бездонные глаза не отрываются от меня. Он опускает кубок на стол, и отчетливый звук разносится вокруг.

Я кручу свой в руках, поглаживая хрусталь пальцами. Единственная часть меня, которую я успела увидеть, а о других даже думать не хочется. Я качаю головой.

– Что ты видела все эти годы? Лицо смертной? – спрашивает он неожиданно нежно. Он берет мою ладонь в свою руку. – Руки смертной? – Его кожа грубая, мозолистая, но теплая по сравнению с моей. Утешение в этих прикосновениях заставляет меня пошатнуться. – Тебе не следовало приходиться сюда, – сообщает он, наклоняясь ко мне. Мы так близко друг к другу, что я могу рассмотреть его лицо, сокрушительную линию скул и темные, притягательные глаза. Но его слова заставляют меня задуматься, и у меня резко перехватывает дыхание.

– Я должна была позволить забрать Делию? – Выдергиваю свою руку из его ладони.

– Келлан подчистил бы за собой.

Гнев волной обрушивается на меня.

– Делия – мой друг, а не беспорядок, который нужно разгребать.

Он ухмыляется.

– Ты уверена? Сейчас она не очень-то переживала за тебя. – Его слова ранят. Он замолкает и засовывает руки в карманы. – Как и в лесу, если подумать.

Гнев одерживает верх надо мной, и я толкаю его в плечо.

– Не будь жестоким, – говорю я, слова вырываются едва слышным шепотом.

– Жестоким? – повторяет он тихим и угрожающим голосом. Делает шаг ко мне. – Ты еще не видела, насколько жестоким я могу быть.

Мое сердце колотится, и гнев нарастает, когда я вспоминаю о том, кто и что он такое. Я забылась. Дыхание снова болезненно перехватывает, и я задыхаюсь, пытаюсь набрать полную грудь воздуха. Пещера начинает вращаться.

– Что... – выдыхаю я. – Что... ты... сделал... со мной? – шепчу я. Мои ноги подкашиваются. Гейдж успевает подхватить меня в последний момент, предотвращая мое падение на каменный пол, и я обмякаю в его объятиях, неспособная хоть что-то предпринять.

Я чувствую, как поднимается и опускается его грудь, и мне хочется дышать с ним в унисон. В черных радужках мерцают зеленые и голубые блики огня.

Хватаюсь за горло, не в силах даже выдохнуть, сделать спасительный глоток воздуха. Его суровое выражение лица почти незаметно смягчается, пока он успокаивает меня. Гейдж отпускает меня, и я извиваюсь весь оставшийся путь

наземь.

От удара что-то внутри меня расслабляется, и воздух со свистом вырывается из груди темным, немислимым облаком, усыпанным звездами и вихрями насыщенного фиолетового цвета. Он наблюдает за облаком, и только так я понимаю, что мне ничего не мерещится. У меня хватает времени задаться вопросом о том, что, черт возьми, здесь происходит, прежде чем оттенки серого поглощают меня целиком.

Глава третья

Сосновые иголки впиваются в щеку. Даже не открывая глаз, я чувствую на своей коже утренние лучи солнца, а капельки росы свидетельствуют о том, что я нахожусь здесь уже давно. Но еще достаточно рано для дневной жары.

По ковру из сосновых иголок кто-то шагает в мою сторону, останавливается, немного замешкавшись. Мне нужно двигаться. Но я не в силах убедить в этом свои конечности.

– Проснись и пой, соня. – Прозвучавший голос помогает прийти в сознание. Сосновая шишка, обрушившаяся на мою голову, способствует этому. Застонав, я переворачиваюсь и поднимаюсь на колени. Мой взгляд натывается на Элли.

Я валялась на земле на самом краю поляны, моя голова покоилась на выступающих корнях сосны, которые заменили мне подушку. Нет ни единого признака, что здесь когда-то было нечто иное, помимо открытого участка земли, окруженного самыми обычными деревьями, лишенного какой-либо магии. Здесь нет лестницы. Нет глубокого спуска под землю. Нет огромной пещеры. Никакого Народца.

Я сглатываю, пытаюсь избавиться от несвежего привкуса во рту.

«Это всего лишь сон», – твержу себе. Неприятное последствие после дешевого пива, которым меня угостила Делия. Может, я даже ударилась обо что-то головой. И ничего боль-

ше. Вот что произошло на самом деле, иначе меня бы здесь не было.

Я поворачиваюсь к Элли.

– У тебя, случайно, нет с собой воды? – спрашиваю я.

Ее медово-карие глаза широко раскрыты, и она смотрит на меня так, будто все очень, очень плохо. Но она качает головой.

– Может, в джипе.

– Что не так? – Я потягиваюсь, со стоном разминая ноги, пока полностью не усаживаюсь на землю и смотрю на Элли снизу вверх.

Элли морщится.

– Ты выглядишь, мм... – Она отводит взгляд и пожимает плечами. – По-другому.

По-другому. Ох. Ох!

– Не в плохом смысле, – быстро добавляет она.

Мои пальцы сверкают в бледных рассветных лучах, а лишние костяшки согнуты. *О нет.* Они все еще... Я неуверенно подношу руку к лицу, не зная, что именно видит Элли. Прижимаю кончики пальцев к щекам, чувствую, как выступают острые костяшки. Я отдергиваю пальцы, словно те обжигают меня. Не уверена, хочу ли знать.

Я зажмуриваюсь.

– Кое-что случилось.

Она фыркает и закатывает глаза, и чары, удерживающие ее на расстоянии от меня, разрушаются. Она протягивает

мне руку.

– Очевидно, ты полная и бесповоротная *идиотка*.

Хочется наградить ее свирепым взглядом, но у меня нет сил. Я только стискиваю зубы и поднимаюсь с ее помощью.

– Что происходит, Эль?

Она пожимает плечами и тянет меня к тропинкам, которые выведут нас из дикой части лесопарка.

– Я позвонила Грэн, – говорит она, вроде бы извиняясь, но в то же время давая понять, что никаких объяснений я от нее не получу. – Сразу же, как только заметила, что вы с Корди исчезли. Она была в бешенстве, кстати. – Ее лицо кривится. – Велела ждать тебя. Кстати, об этом...

На ее телефон приходит сообщение. Боже, если Грэн решила воспользоваться мобильным, значит, она *действительно* в бешенстве.

Я вздрагиваю.

– Ты... ты прождала всю ночь?

Румянец окрашивает ее щеки.

– Э-э... нет. Я спала в джипе. Когда Делия вышла из леса, – выглядела она, кстати, отстойно, – я отправилась на твои поиски.

Эти обычные слова, возможно, для кого-то и прозвучат неубедительно, но у Элли есть талант находить потерянные вещи. Больше, чем просто способность.

– Спасибо, – говорю в ответ. Она неуклюже и неловко цепляется своим мизинцем за мой.

– Давай просто вернемся домой, – просит она, размахивая своим телефоном. – Грэн сказала, что нам нужно поговорить. – Она помогает мне пересечь заросший участок тропы, несмотря на свой небольшой рост. Элли вздыхает. Затем медленно, почти застенчиво прикусывает губу и поворачивается ко мне.

– Подруга, даже не знаю, как тебе сказать, но ты в курсе, что твои уши... острые?

Тихое ругательство срывается с моих губ, когда я поднимаю руки и ощупываю свои уши. Элли морщится, своим плечом прижимаясь ко мне, пока мы идем по тропинке.

– Что сказала Грэн?

Она фыркает.

– Она никогда и ничего мне не рассказывает. Мы обе знаем, что я лишь девочка на побегушках в этой семье. – В ее голосе звучит легкая насмешка, но мне не дает покоя мысль, что она действительно так думает. Мы можем приходиться друг другу кузинами, но Элли для меня как родная сестра, не учитывая разные фамилии, и мне ненавистно осознавать, что у нее такое представление о себе. Я пытаюсь подобрать нужные слова, но этого, кажется, недостаточно.

С минуту она молчит. Остались только гулкие шаги по тропе, пение птиц, приветствующих рассвет, и ощущение ее руки в моей ладони. Мы добираемся до джипа к тому моменту, когда солнце пробивается сквозь верхушки самых высоких деревьев, а жара в Джорджии набирает силу.

Я позволяю ей вести машину до дома, что уже само по себе говорит о моей усталости или отсутствии инстинкта самосохранения, который включается всякий раз, как только Элли пытается взять у меня ключи. Сейчас мне хочется только закрыть глаза – снова. Но даже в моей собственной памяти меня достигают вихри огней фейри, поэтому я прислоняюсь головой к прохладному стеклу, наблюдая, как мимо проплывает Стиллуотер. Мы проезжаем по последней улице в центре города, сменяя искусственно созданное очарование витрин туристических магазинов на проселочные дороги, на обочинах усеянные коттеджами, а иногда и двухквартирными домами. Элли не включает радио в знак уважения к изматывающему наплыву мыслей, которые пытаются вырваться из меня.

Она подъезжает к нашему полузаброшенному дому на окраине города. Припарковавшись в тени разросшихся ветвей дуба, Элли выскакивает из машины и взбегает по ступенькам в своем стиле, словно ничто в этом мире или в том, другом, ее не тяготит. Она поворачивает ручку двери, и выцветшая желтая краска осыпается, когда Элли дергает за нее. Мы вчетвером без конца препирались о том, в какой цвет покрасить дом. А когда нас осталось трое, вопрос так и остался нерешенным.

Внутри мы замечаем Грэн, вышагивающую по гостиной в своем синем махровом халате. Я замираю, когда она замедляет шаг и ее губы сурово поджимаются, пока она изучает

мое лицо. Глаза задерживаются на каждой новой черте, чужом изгибе, которые я изучила лишь кончиками пальцев; ее взгляд скользит по мне, как будто она никогда не видела меня раньше.

– Мне всегда было интересно, как ты выглядишь на самом деле, – говорит едва слышно, не замечая слов, вырывающихся изо рта. Мои глаза закрываются. Вот и ответ на мои закравшиеся подозрения о том, известно ей обо всем или нет. Разумеется, она знала. Она сжимает руки в кулаки – совсем не в ее стиле. Я никогда не видела ничего подобного прежде.

– Мы... – Она замолкает, прочищая горло. – Нам нужно многое обсудить.

Элли хмыкает.

– Никаких шуток. – Грэн пренебрежительно смотрит на нее, и Элли поднимает руки вверх в знак капитуляции.

Грэн обводит взглядом комнату, как будто никогда раньше ее не видела, смотрит за спину и направляется к плите. Из шкафчика достает жестяную банку.

– Чаю? – спрашивает она.

Мои плечи немного расслабляются.

– Чаю, – соглашаюсь я.

Мы с Элли следуем за ней через гостиную. Я устало опускаюсь на табурет за небольшим кухонным островком, благодарная за возможность побыть немного в тишине. Я укладываю голову на свои руки. Элли забирается на стул рядом со мной, и я буквально слышу, как в ее голове вращаются ше-

стеренки. Мои же давно заржавели.

Грэн передвигается по кухне, и привычный утренний ритуал успокаивает. Наполняет чайник водой из-под крана. И, пока она включает газовую плиту, я изучаю ее. Она небольшого роста, как и Элли. С темными, как у меня, волосами, но которые пронизаны серебристыми прядями и пострижены в небрежный боб. Но никаких сходных черт – ни у кого из нас нет ее носа, скул или разреза глаз. Пока она достает сахарницу, я пытаюсь мысленно составить список того, что знаю о Грэн и о ее семье. Она никогда не говорит о таких вещах. Я знаю, что она ирландка, но не знаю имен ее родителей. Ни дальних родственников, ни о местах, в которых она росла – и всегда считала, что она из Стиллуотера. Я знаю, какой она любит пить чай, что ее раздражает и какие слова могут рассмешить. Но если вдаваться в подробности, то Грэн совершенно мне незнакома.

Чайник свистит, и Грэн снимает его с огня, выключая газ. На стойке рядом с ней выстроились наши любимые кружки с чайными пакетиками внутри, и она наполняет их дымящейся жидкостью. Присоединяется к нам у столешницы, вставая на противоположной стороне. Я делаю глоток из кружки, проводя пальцами по завиткам нарисованных цветов на поверхности. Мне всегда нравились яркие цвета и простой, незамысловатый дизайн, но еще больше я любила это потому, что Эмма создала его для меня. *«Ох, Эмма. Что же ты натворила?»* Горячая жидкость проникает в мое тело, об-

легчай душевные страдания, полученные за прошедшие двенадцать часов. Это утро кажется привычным, как и многие другие до этого: мы толпимся в небольшой кухоньке, попивая чай из наших кружек, – но все же с небольшим отличием.

Грэн дует в свой чай, не сводя с меня глаз, и похоже, не стремится начинать разговор. Но молчание заставляет меня нервничать. Я постукиваю пальцем по столешнице.

– Расскажи мне, что знаешь, – требую я. Элли вздрагивает, и я понимаю, насколько жестко прозвучали мои слова. Ради нее я добавляю: – Пожалуйста.

Грэн прочищает горло.

– Мы так долго пытались скрыть это от тебя, твоя мама и я. Даже говорить об этом вслух кажется неправильным. Но, думаю, ты уже догадалась, кто ты, – утверждает она. Когда я киваю, она делает глоток из своей простой белой кружки. – Чары уже начали ослабевать. Я предполагала, что один из них почувствует тебя, когда они окончательно рассеются. Кто... – Она снова прочищает горло. – Кто нашел тебя?

– Вероятно, Келлан. – В двух словах рассказываю ей о своей ночи, о глупом поведении Делии и о моем новоявленном враге, которого я, кажется, обрела в лице Гейджа. Она озадаченно моргает, когда слышит о Гейдже и вызове, что он мне бросил, и не подает виду, когда я рассказываю о том, чем все кончилось. Кажется, ее совершенно не волнует облако ночного неба, которое я испустила из себя.

– Гейдж, – хмыкает она. – Сейчас он – Темный король, –

сообщает она, будто это должно объяснить его поведение. В каком-то смысле объясняет. Но на моих легких все еще чувствуются фантомные травмы от невозможности нормально вздохнуть, и я вздрагиваю.

Элли, которая никогда не вдавалась в подробности, смотрит на меня.

– Темный? – спрашивает она.

Я колеблюсь.

– Ты можешь объяснить ей? Я не уверена, что из всего этого сказка, а что – реальность.

– Это все сказки, – говорит Грэн. – Народец поделен на дворы, – рассказывает она Элли. – Благой и Неблагой. Существуют и фейри-одиночки, но в наши дни они встречаются все реже и реже. Благой Двор – это Двор Света, Двор Лета. Представьте себе Титанию в ее благоухающей цветами беседке с пикси, носящимися вокруг и заставляющими смертных влюбляться друг в друга. Большинство представляют Народец именно так. Но Неблагой... – она запинается.

– Двор Тьмы, – поясняю для Элли. – Двор Кошмаров.

Она заметно вздрагивает.

– Боже. Так вот где ты была?

Я киваю, нахмурившись. Думаю о скоплениях звезд, улыбке, сотканной из звездного света, и запахе лаванды. Не все из этого было кошмаром.

– Но при чем здесь Фэй?

Грэн выдыхает через нос.

– Фэй – сидхе.

На один миг мне показалось, что я ослышалась. Мой взгляд устремляется на нее. На ее лице ни единой эмоции, и холод заполняет мое нутро.

– Это не... – Смешок вырывается из меня, грубый, язвительный. Это невозможно.

Элли переводит взгляд с меня на Грэн.

– Что? Что это значит? – Она никогда не углублялась в легенды, довольствуясь лишь тем, как обезопасить себя.

Я бросаю на Грэн предупреждающий *«даже-не-смей»* взгляд, но она не реагирует.

– Королевская кровь, – отвечает она, позволяя словам повиснуть в воздухе. Элли широко распахивает глаза.

Я качаю головой.

– Нет. Ты ошибаешься.

– Уверяю тебя, это так, – вздыхает она, поворачиваясь к Элли. – Сидхе. Эльфы, как называют их некоторые. У них много имен. Их магия сильна, и они прекрасны.

Я чувствую ее тяжелый взгляд на себе. Беспokoйно постукиваю пальцами по столешнице, ногти издают приятный шелкающий звук. Это уже перебор. Полукровка? Отлично. Но королевская кровь? Абсолютно точно нет.

– Но, если она из королевской семьи, почему, – Элли обводит меня руками, – она здесь?

– Это сложный вопрос.

Мои пальцы не прекращают отстукивать ритм. Грэн стис-

кивает зубы.

– Все началось с темного, безумного короля.

Мне не хочется ее вновь перебивать, но я не могу совладать с собой.

– Он... он настоящий?

Она согласно кивает.

– Двадцать лет назад Благой Двор подписал брачный договор с Темным королем. Но они восприняли это как оскорбление. Вместо одной из своих дочерей-сидхе они послали подменыша. – Она делает паузу и переводит взгляд на меня, прежде чем продолжает: – Твою мать. Но, похоже, шутка сыграла им на руку. Союз оказался удачным, и Благой Двор остался доволен. Они пожертвовали малым, и в придачу заключили договор с Двором Тьмы. А Темный король получил прекрасную жену. В его собственном дворе становилось все меньше и меньше сидхе. Он надеялся увеличить их численность с помощью новой леди. Видит Бог, люди в любом случае более... плодовиты, чем Народец.

– Эмма, – выдыхаю имя своей матери. Я знала, что она была подменным, но это... – Она... – Я прочищаю горло и пытаюсь договорить: – Она любила своего мужа?

Грэн опускает свою чашку на столешницу и складывает руки перед собой. Ей требуется секунда, чтобы подобрать слова, но от нетерпения у меня внутри все клокочет, и я начинаю отстукивать пальцами еще быстрее.

– Эти события произошли до того, как он заделался

Безумным королем. – Когда ее слова замолкают, Элли шлепает меня по руке. Должно быть, мои постукивания нервируют ее. Она без колебаний прикасается ко мне, и за это я ей признательна. На секунду позволяю своей руке замереть, затем переворачиваю ладонь, сжимая ее пальцы. Она повторяет за мной.

– Сперва он напрягся. Но в этом нет ничего удивительного для Неблагого Народца. Для них он просто вступил в свои права. Но король чувствовал, что происходит что-то неладное и все становится хуже, поэтому он окутал свою жену и будущего ребенка чарами, скрывая их от сильнейших представителей Народца. – Она колеблется некоторое время.

Мои пальцы крепче сжимаются вокруг руки Элли.

– А чары? – Я замолкаю, не уверенная в точности вопроса, поскольку еще не разбираюсь в том, как устроены миры.

– Это невероятно сложный элемент магии, который создал твой отец, Фэй. – Она закусывает губу. – Чары... распались без постороннего вмешательства?

– Кое-кто, – я делаю паузу, подыскивая подходящее слово, – снял их прошлой ночью. После того как мы прошли через завесу.

Гнев пульсирует во мне, обжигающий и неуместный. Грэн позволяла мне уходить в лес день за днем, не пыталась даже предупредить. Неужели она не думала, что я заслуживаю хотя бы этого?

Она отводит взгляд, не желая смотреть мне в глаза. Заме-

чает ли она в них осуждение? Надеюсь, что да.

– Я думаю, переход в мир фейри разрушил оставшиеся следы этих чар, таких же старых, как и сама магия. Подобные вещи недолговечны. Ему пришлось связать их с кровью твоей матери, чтобы чары распространились и на тебя. – Она делает глоток уже остывшего чая. – Я последовала за ней, когда он отослал ее. С тобой. Я была нянькой Эммалин, растила ее с малых лет. Я не могла отпустить ее одну.

– Подожди, – перебивает Элли. – Значит, ты одна из них? – спрашивает она Грэн.

В глазах пожилой женщины мелькает горечь, и она качает головой.

– Нет. Обычная человеческая служанка. Я долгое время прислуживала при дворе.

Меня вдруг осеняет внезапная догадка, и я рефлекторно сжимаю руку Элли. Она пытается уследить за ходом моих мыслей, и тут ее внимание привлекает последний недостающий фрагмент пазла. Он встает на место, и ее глаза расширяются от понимания. Взгляд перемещается на Грэн.

– А что насчет меня? – спрашивает тихо. А затем повторяет вопрос снова, уже громче, пока Грэн безучастно смотрит на нее: – Что насчет меня?

– Я... ты была... – Она запинается. Элли умоляюще смотрит на нее, и какое-то время Грэн продолжает молчать.

Мое сердце болит за Элли. Мы никогда не задавали вопросов. А в те редкие моменты, когда мы все же спрашива-

ли, нам отвечали, что родители Элли умерли. «*Господи, мы были так доверчивы*». Это была ошибка. Мы не должны повторять ее.

Губы Грэн сжимаются в тонкую линию, и в ней поселяется решимость.

– Ты была подменшешем. Когда они похитили тебя, ты была совсем юной, и они сохранили тебя такой. На самом деле после нашего отъезда потребовалось некоторое время, чтобы ты начала меняться.

Элли бледнеет.

Грэн напрягается, и ее пальцы переплетаются между собой, руки соединяются, словно она хочет помолиться.

– Ты долгое время была фавориткой Благого Двора. Когда я уезжала, то забрала тебя с собой.

Тело Элли словно застывает.

– Почему ты привела меня сюда? – тихо и осторожно задает она вопрос.

Мое сердце разрывается, и больше всего на свете я хочу, чтобы Грэн солгала. Потому что, судя по всему, она собирается сказать совсем не то, что Элли хочет услышать.

Нужно отдать ей должное, в голосе Грэн звучит запоздалое раскаяние, когда она отвечает:

– Ты чертовски хорошо умеешь находить вещи – находить людей. Если бы ты осталась там, наши поиски были бы лишь делом времени.

Элли всхлипывает и съеживается на своем месте.

– Хватит, – требует она. Грэн смотрит на меня, приоткрыв рот, и я удивляюсь, как проживший столько лет человек может быть столь бесчувственным. Элли сползает со своего стула на пол и кладет голову мне на колени. Я нежно провожу пальцами по ее короткостриженным волосам. Мне хочется любыми способами облегчить ее боль.

Она с жалостью смотрит на меня.

– Мне срочно нужно сладкое, – шепчет она. Я прикасаюсь рукой к лицу Элли. Иногда я забываю, насколько она маленькая. Все в ней такое громкое, такое внушительное. Забываю, какая она хрупкая под всей этой боевой раскраской и поведением.

Я высвобождаюсь из ее рук. Она сворачивается клубочком у стойки, а на ее колготках появляется новая стрелка.

– Что случилось после того, как мы ушли? – интересуюсь я у Грэн, открывая дверь в кладовую.

Голова Грэн опускается, когда она говорит:

– Он истребил весь свой род. Всех до единого Неблагих сидхе. Он выслеживал их одного за другим.

Элли не поднимает глаз, но я вижу дрожь, прокатившуюся по ее телу. Я не виню ее.

Я перебираю коробки на полке и достаю упаковку из фольги.

– Клубничное, Эль?

Она стонет под столом.

– Почему ты всегда пытаешься накормить меня фрукта-

ми?

Порыв воздуха вырывается из носа, и это самое малое, что я могу сделать, чтобы заставить ее улыбнуться.

– Тогда шоколадное. – Она поднимает в воздух маленький кулачок. – Что дальше, Грэн? – спрашиваю я, переключая свое внимание на нее, пока загружаю «поп-таргс» в тостер.

Грэн ерзает на месте.

– Его народ отвернулся от него. Они имели на это полное право. А его первый рыцарь убил его и захватил трон. – Она фыркает. – Я сожалею о потере твоего отца, – подчеркнуто формально говорит она.

Я отмахиваюсь от нее.

– Почему он ополчился против своего народа? – Безумный король, мой отец. Он был злодеем во всех наших выдуманных играх.

Грэн качает головой.

– Никто не знает. И твоя мать всегда задавалась этим вопросом до того, как перестала быть собой.

– Получается, он не всегда был сумасшедшим?

– Он всегда был частью Неблагого Двора, – говорит она так, будто речь идет о чем-то грязном. Если мой отец – Темный король, то кем тогда являюсь я? Выражение ее лица и голос смягчаются.

– Нет, он не всегда был злым.

Из тостера выскакивает шоколадное печенье, и я кладу их на бумажное полотенце. У меня накопилось много вопросов

к Грэн, но я не думаю, что смогу выдержать еще больше. И сомневаюсь, что только мне одной придется пережить это. Я усаживаюсь на свое место, опуская печенье вниз. Элли выхватывает их и принимается уплетать, пока они не остыли.

– Что дальше, Грэн? Что нам теперь делать? – Я вытягиваю руку, демонстрируя свои изменения.

Грэн хмурится в замешательстве.

– Ты... Твои родители рассчитывали, что ты вернешься домой.

Слова застревают у меня в горле. Она, должно быть, шутит. Но Элли подпрыгивает, посмотрев на Грэн своими распахнутыми глазами.

– Чтобы остаться? – пронзительно восклицает она, вступая в разговор прежде, чем я успеваю подобрать нужные слова.

– Чтобы править, – поправляет Грэн.

– Что? – взвизгивает Элли. – Ты хочешь, чтобы она туда вернулась?

Она шлепает меня по ноге, будто в этом моя вина.

– Ай, осторожней, – прошу я.

Грэн кривится.

– Элли...

– Нет! – Она выбирается из-под стойки, чуть не опрокинув при этом табуретку, сжимая в руке половину печенья. – Нет. Меня переполняют эмоции, и я собираюсь прятаться, пока не успокоюсь.

Она мчится по коридору, словно черно-зеленое пятно, и шипит на Грэн, когда та зовет ее. Дверь в ее спальню захлопывается с таким грохотом, что шкафчики над раковиной дребезжат.

Я вздыхаю.

– Ну, все прошло неплохо. – Грэн косо смотрит на меня. – Что? – спрашиваю я, стараясь не звучать слишком резко.

Она прижимает ладони к столешнице, словно пытается разгладить морщинки, появившиеся за последние полчаса.

– Ты должна вернуться.

С трудом сдерживаю горький смех, который грозитя меня задушить. Еще вчера, услышав, что мне придется вернуться в то место, я испытала бы тайный восторг, который не смогла бы объяснить. Но побывав там?

– Там правит замечательный король. Кажется, они прекрасно обходятся без меня.

Она хмурится, и я впервые замечаю, насколько глубокие у нее морщины.

– Он не сидхе. Даже не его часть, он – чистокровный гоблин.

– И что?

Она практически шипит:

– Это неправильно!

Дрожащий вдох вырывается из груди. Не знаю, как терпела это так долго, но я чувствую, что переломный момент уже близок. Я не понимаю, почему ее так волнует, кто пра-

вит Двором, частью которого она даже не является. Почти два десятилетия у них правит король Гоблинов, но я не могу внятно выразить эту мысль.

– Хочу принять душ. – Мне нужна передышка. Даже смотреть на Грэн мне тяжело.

– Позже. Нам еще о многом нужно поговорить...

– Я собираюсь. Принять. Душ. – Я стискиваю зубы, пытаюсь сдержать слезы. Она справляется со своими чувствами и держит язык за зубами, пока я ухожу.

* * *

Я поворачиваю вентиль с горячей водой до тех пор, пока вода не начинает обжигать, едва ли не оставляя ожогов. Тепло проникает под кожу, расслабляя мышцы, о состоянии которых я и не подозревала. Вода струится вниз, окрашиваясь в коричневый и серый от грязи и пыли, а частично и в красный от крови. Я даже не знала, что у меня идет кровь. И принадлежит ли она вообще мне. Скребу ладонями по коже, пока она не начинает щипать и саднить. Каждое мое движение бездумное и бесполезное – последнее средство отвлечения, прежде чем я попытаюсь разобраться в произошедшем. На душе повисла тяжесть.

Когда стекающая с меня вода становится прозрачной, я опускаюсь на плитку и затыкаю слив. На несколько секунд подставляю голову под струи воды, позволяя ей мгновенно

залить мое лицо, а потом отодвигаюсь. Несколько слезинок выступают на глазах, хотя мне трудно понять, чье именно предательство вызвало их. Пока вода струится по спине, собираясь подо мной, я разрушаю свои защитные барьеры и позволяю мыслям, кружащим вокруг меня, словно акулы, вырваться.

– Я не человек, – шепчу себе под нос, проверяя, как звучат слова. Я даже не знаю, что это означает для меня теперь, и мое сердце щемит от боли. Как, черт возьми, я собираюсь быть собой, если больше не понимаю, кто я?

Я не только не человек. Это было бы слишком легко. Я не просто кто-то другой, а заблудшая дочь, наследница мертвого короля. К тому же психопата. Его народ никогда не забудет и не простит меня за то, из какого я рода. Я не могу вернуться назад, даже если захочу.

А хочу ли я?

«Нет». Я отбрасываю эту мысль, как только она проносится в моей голове. «Я не должна этого хотеть». Мурашки бегут по коже, напоминая обо всех руках, что касались меня прошлой ночью. При воспоминании о вкусе фейского вина меня передергивает и тошнит. Если обезумевший король ожидал моего возвращения туда, то он действительно был безумцем.

Король. Безумный *король*. Это слово кажется тягостным и неуместным для моего сознания. Оно не вписывается в мой мир. Я дрожу, прошептав:

– Кем я стала?

Дверная ручка дребезжит, и я вздыхаю. Тянусь вперед, выключая воду, когда Элли открывает дверь и проскальзывает внутрь. Даже не глядя, я знаю, что это она: кроме нее, никто не умеет взламывать старые замки. Она опускается на коврик для ванной, и нас разделяет одна душевая штора. Я жду, когда она заговорит.

После долгой минуты в тишине она спрашивает:

– Как думаешь, они когда-нибудь любили меня? Эмма и Грэн? Или я была просто страховкой?

Я зажмуриваюсь. Мне так ненавистна эта мысль. Я ненавижу Грэн за то, что она ведет себя так, будто мы должны быть признательны ей, будто должны снова пересечь завесу, будто вся та ложь, которой нас кормили всю жизнь, не имеет никакого значения.

Я хочу сказать Элли, что, конечно, они любили ее, ведь как могло быть иначе? Но я больше ни в чем не уверена.

– Я не знаю, Эль. Не знаю, что и думать. – Я шлепаю ладонями по воде.

– А ты?

Оставляю руку под водой.

– Разумеется, я люблю тебя, Эль, если ты об этом спрашиваешь. – Я слышу ее тихий вздох облегчения.

– Что там случилось? – интересуется она, ее голос затих, будто нас кто-то мог подслушать.

Я сжимаю переносицу. По-моему, я еще никогда не чув-

ствовала себя до такой степени уставшей.

– Делия случилась. Прошлой ночью на вечеринке появились чужаки, – говорю я ей, а потом запинаясь. – Двое из Народца. И она ушла с ними. Ты же знаешь, она считает себя непобедимой. – Я морщусь нос, умалчивая тот факт, что я последовала за ней без тени колебания, не одурманенная чарами, потому что *хотела* пересечь завесу. Я была идиоткой.

– Она это сделала? – спрашивает Элли, отодвигая штору. Я вздрагиваю. Страшно даже представить, что она подумает обо мне, узнав правду.

– Да, знаю, – неуверенно отвечаю я. – Только я думаю, что они утащили ее, чтобы заманить меня туда. Келлан даже не вспомнил о Делии, после того как разрушил мои чары.

Я рассказываю ей о Подземелье, об этом невероятном месте под землей. Но у меня не получается подобрать слов, чтобы описать Народец, или объяснить, почему танцевала с ними, или что собой представляет король в Подземелье. Я поджимаю губы.

Возможно, она чувствует, что я что-то недоговариваю.

– Здесь есть что-то еще, – произносит она.

– Да.

– Но ты не расскажешь мне? – Она говорит так, будто уже знает ответ на свой вопрос.

Она кривит губы, глядя на меня. Я понимаю, что единственная причина, по которой она позволяет мне упускать подробности, – случившееся со мной. Она пожимает плеча-

ми.

– Ну и ладно. Думаю, жизнь станет крайне интересной. Я напрягаюсь. Вода в ванне резко похолодела.

– Почему ты так думаешь? – Она смотрит на меня так, будто я сошла с ума. В ответ я закатываю глаза. – Это ничего не меняет. Не должно поменять.

Элли заливисто смеется, но быстро замолкает, когда видит выражение моего лица.

– Мне жаль, Фэй, но это невозможно.

– Не могу придумать ни единой причины, по которой могла бы вернуться туда. Это жестокий мир, Эль, и я не хочу жить в нем. – Я поджимаю губы, жалея о том, как горько прозвучали мои слова. Но сказки о фейри, которыми я бредила все свое детство, прошлой ночью стали реальностью. Они испытали меня и сочли негодной. Может, я и выиграла в их маленькой игре, но не реальную жизнь. Если бы не фейри с плеядами на коже, мы с Делией были бы потеряны для этого мира. Так что, думаю, горечь в моих словах хоть сколько-то оправданна.

Элли мгновение наблюдает за мной, а затем быстро поднимается на ноги.

– И долго ты собираешься там сидеть? А то уже похожа на чернослив.

Она подает мне полотенце, когда я встаю, опуская глаза в пол, чтобы не видеть свое отражение в зеркале. Сейчас я не в состоянии справиться с увиденным, пока нет. Я оборачиваю

полосатое полотенце вокруг себя.

– Не хочешь помочь мне подобрать какой-нибудь наряд? Хочу почувствовать себя нормальной.

– Конечно, – соглашается Элли. – Может, одолжить тебе что-то из моих вещей?

Я хрипло смеюсь, пусть и недолго.

– Не думаю, что мы найдем что-нибудь путное в твоём шкафу, Эль.

* * *

Грэн наблюдает за моими передвижениями по дому, каждые три минуты, как по часам, цокая. Может, она думает, что я не услышала ее в первый раз или что следующий заставит меня передумать. Но притворство, будто все нормально, дает такое необходимое мне время, чтобы укрепить свою оборону после событий прошлой ночи. Достаточно окунуться в рутину, и ничто больше не сможет на меня повлиять. К тому же раздражать Грэн, игнорируя ее, – особый вид удовольствия. Она может продолжать скалить зубы, а я по-прежнему буду мыть посуду.

Дополнительные костяшки и все такое.

Элли трижды протирает тарелку, каждые несколько минут украдкой кидая взгляд на Грэн через плечо. Я трясусь миску в руках, чтобы вода брызнула на нее.

Она передергивает плечами и слегка прочищает горло. Я

толкаю ее бедром.

– Сколько мне лет? – спрашивает она, ее голос тихий, нетребовательный, что совершенно не в ее характере. Это утро выбило нас обеих из колеи, и Элли нуждается в ком-то, кто будет сильнее ее. Чтобы защищать. Грэн издает что-то похожее на покорный вздох позади меня. Мои плечи напрягаются, и я опасаясь следующих слов.

– Народец не любит прямые и неудобные вопросы, – говорит она. – Вам стоит запомнить это.

Я игнорирую ее колкое замечание.

– Как насчет этого, Грэн? Расскажи нам о прошлом Элли, – подначиваю я.

– Прошлой ночью ты узнала, что ты заблудшая принцесса сидхе, но тебя интересует история человеческого подмеша?

– Грэн. – В моем голосе звучит предостережение, и я бросаю быстрый взгляд на Элли. Она опускает голову. Грэн никогда не была одной из тех милых и заботливых бабулек, что теперь, конечно, приобрело смысл. Но такой уровень черствости – перебор даже по ее меркам.

Она хмыкает, и мне хочется указать ей на то, что она сама является человеком.

– Они подменили тебя в 1923 году. Так что, думаю, ты довольно взрослая. К счастью для тебя, они приостановили процесс старения. – В ее голосе прозвучала неясная горечь. Она возводит глаза к потолку, раздумывая. – Думаю, тебе

было три.

Элли бледнеет, впрочем, как и я. Я ошибалась, кое-что все-таки может удивить меня. *99 лет. Элли похитили девятью годами назад.*

Я знаю, какой вопрос беспокоит Элли, и ради ее же блага мне не хочется, чтобы она его озвучивала. Но ее голос спокоен и терпелив, когда она спрашивает:

– А как же мои родители?

Грэн пренебрежительно машет рукой.

– Они ничего не заметили. Они любили своего отпрыска и хорошо его воспитали. Достигнув совершеннолетия, он присоединился к Неблагому Двору. – Очередной колкий комментарий адресован мне. Либо Грэн не понимает, что эта информация совершенно не заботит Элли, либо ей плевать. – Они прожили счастливую жизнь и даже не помнили тебя.

Нижняя губа Элли дрожит, но маска на ее лице держится крепко, и я так горжусь ею, что у меня не занимает много времени, чтобы накинуться на Грэн. Она злится на меня, но Элли не должна страдать из-за этого. Но, прежде чем я успеваю раскрыть рот, раздается стук во входную дверь.

Стук. За все годы, что я прожила в этом крошечном домике, я не помню, чтобы у нас когда-нибудь были гости. Не помню, чтобы раньше кто-то стучал в дверь. Не было ни единого случая, чтобы Элли или я забывали ключи, потому что дверь никогда не запиралась. А это значит...

Я бросаюсь через всю комнату, плечом врезаюсь в дверь,

когда ручка начинает поворачиваться. Кто-то толкает дверь с другой стороны, и на мгновение она отворяется, после чего я захлопываю дверь.

По другую сторону двери, возле моего уха, раздается звук, будто кто-то прочищает горло.

– Прошу об аудиенции у принцессы Неблагих. – Я слышу женский голос, мелодичный, приятный и совсем не человеческий.

– О, извините, – говорю я, продолжая упираться плечом в дверь. – Она только что ушла.

Мне нужно разобраться с собственными сумбурными эмоциями по поводу желания – или нежелания – возвращаться туда. И уж точно не хочу, чтобы кто-то из них находился рядом с Эль особенно после того, как я узнала о ее сущности.

Эль хмыкает позади меня, забавляясь моим неуклюжим поведением. Должно быть, она проследовала за мной через всю комнату.

– Теперь скажи им, что никого нет дома, – шепчет она.

– Прошу прощения, но дома явно кто-то есть. Несколько человек, – доносится голос из-за двери. В нем проскальзывает едва уловимая нотка юмора. – Мне нужно поговорить с принцессой, – добавляет она нарочито официально.

Я вздрагиваю, мне ненавистно слышать свой титул.

– Нет, спасибо.

– Фэйлинн Грейс, – возмущается Грэн, шаркая ногами в

мою сторону. Я только морщу нос. Не в силах вытерпеть обращение ко мне полным именем. – Открой дверь.

– Ни в коем случае.

Она хмыкает.

– Гонцы не уйдут, пока не доставят сообщение, – сообщает она мне. – Неужели ты хочешь, чтобы Народец жил на нашем крыльце?

Я медлю, потому что, очевидно, мне этого совсем не хочется. Но я больше не доверяю Грэн. Я стучу в дверь со своей стороны.

– Это правда?

– Я хочу жить на вашем крыльце не больше, чем этого хотите вы, – говорит она, ее мягкий голос приостанавливается, делая акцент на слове «крыльцо».

Я прикусываю губу, а потом отвечаю:

– Одно послание, и вы уйдете?

– У меня нет никакого желания надолго оставлять свой пост.

Я провожу рукой по волосам, но локоны все еще влажные и путаются в пальцах.

– Ладно, – ворчу я и оборачиваюсь к Элли через плечо. – Не подходи, хорошо?

Она скептически вскидывает бровь, намекая мне, что вероятность подобного невелика, и я поворачиваюсь обратно к двери, вновь чувствуя напряжение в мышцах. Мне придется поговорить с ней об этом, обо всех опасностях, которым она

может подвергнуться. Я берусь за ручку и распахиваю дверь.

– Что? – огрызаюсь я, хотя лицо, представшее передо мной, вызывает странную нотку раскаяния. Синекожая вооруженная нимфа, которая стояла на помосте рядом с королем, подмигивает мне с порога. «Красивые хищники все равно остаются хищниками», – говорю я себе. И я уже успела почувствовать себя жертвой.

Она выжидает мгновение, прежде чем ответить, но ей, кажется, неловко.

– Я бы предпочла войти внутрь.

– Не приглашай ее! – шепчет Элли чересчур громко. – Если ты пригласишь их, они смогут заходить в любое время. Верно? – спрашивает она.

Я растерянно моргаю.

– Эль, это же вампиры.

– Ой. Ну все равно.

– Она не вампир, ради всего святого. Это обычная вежливость. Вам обоим не помешает этому научиться, – ворчит Грэн, отталкивая меня от двери. – Пожалуйста, Исла. Пройди.

– Если что, это она нас воспитала... – бормочет Элли, когда нимфа входит в гостиную.

Нимфа смотрится крайне нелепо на фоне наших цветочных обоев и кружевных занавесок, что почти вызывает у меня смех. Волосы цвета темной полуночи, затянутые в тугий хвост, пронизаны нефритовыми линиями. Прическа только

подчеркивает идеальное сердцевидное лицо. В ее красоте прослеживается мягкая невинность, которая противоречит суровой жестокости ее брони.

Она склоняет голову.

– Грануаль. Рада видеть тебя снова.

Старушка возится с завязками своего розового махрового халата.

– Боюсь, время не так благосклонно ко мне, как к вам.

Народец не любит ложь, но также им не нравится грубость. Думаю, именно по этой причине Исла уклоняется от ответа.

Я пользуюсь неловким молчанием.

– Грануаль. – Имя непривычно ложится на язык. *Грануаль*. Оно кажется древним.

Ее губы поджимаются, а щеки пылают, когда она украдкой смотрит на Ислу. Она кривится, бросив на меня строгий взгляд.

– Это старинное имя. Элли не могла произносить его четко. Мне пришлось позволить вам двоим называть меня Грэн, чтобы было проще.

– О. – Займусь этим именем позже, изучу, из какого оно времени, из какой части света к нам пришло. Мы многого не знаем о Грэн, и мне не приходит в голову, с чего начинать расспросы.

Грэн засыпает Ислу новыми вопросами.

– Как дела на Холме? – спрашивает она. – Что нового?

Я не получала вестей от сестры уже... – Она прерывается и смотрит на меня. – Ну, некоторое время.

Исла морщится, и ее голос теряет часть своей отстраненности.

– Я... я больше не служу Двору Лета. – Кожа на ее щеках покрывается лиловыми пятнами, заставляя нас с Элли перекинуться растерянными взглядами. Исла торопливо продолжает: – Двор Лета не позволил бы мне взять в руки оружие. Когда Темный король взошел на трон, он принял мое прошение о вступлении в ряды его рыцарей.

За моей спиной Элли издает восхищенный возглас, и я по-новому смотрю на Ислу. Покинуть один двор ради другого нелегко, но я восхищаюсь ее амбициями.

– Я заметила, что ты одеваешься... иначе, – говорит Грэн.

Исла приподнимает подбородок, но ее пальцы теребят ремешки кожаного нагрудника, задевая прошитые швы. Он выглядит несколько неудобным, слишком громоздким для ее тела. Но она с нежностью разглядывает его, прежде чем переключить внимание на Грэн.

– Мне жаль, но у меня нет вестей о Сии.

Грэн, кажется, понимает, что ее замечание прозвучало невежливо.

– Я ценю, что ты позволила мне спросить, – произносит она максимально вежливо.

Я вздыхаю.

– Простите, что прерываю, но разве мы не договаривались

на одно послание и последующий уход?

Грэн смотрит на меня, ужаснувшись, а Элли фыркает, едва ли сдерживая смех. Но Исла кивает, отчего на лице Грэн пробегает облегчение. Пусть я и нагрубил, но, думаю, она признательна мне за то, что перехожу сразу к делу. Я никогда не умела любезничать. Вежливые светские беседы – не самая сильная моя сторона. Настоящее богохульство для нашего небольшого южного городка.

Она расправляет плечи и слегка склоняется передо мной, и ее меч качается от движений. Он кажется мне невероятно тяжелым.

– Принцесса Неблагого Двора, Его Величество король Гейдж, владыка Сумерек, мастер Теней и первый из своего рода, просит Вас явиться ко двору в свободное время.

Где-то после третьего титула она наконец-то переходит к сути своего монолога, и мне приходится подавить смех, вырывающийся из груди.

Кажется, Гейджу пришлось не по вкусу мое присутствие в Подземелье. Его жестокость только подтвердила это. Зачем мне вообще туда возвращаться? Но на кону не только моя жизнь. Элли, возможно, еще не осознает всей опасности и, как мне кажется, никогда этого не поймет. Ради ее же блага я хочу держать Народец как можно дальше от нас.

– Нет, – коротко отвечаю я. Когда она растерянно моргает, поспешно добавляю: – В любом случае было приятно, что вы предложили.

На безмятежном лице Ислы между бровей проявляется глубокая морщинка.

– Вы... вы не можете отвергнуть приглашение Его Величества, – заикаясь, лепечет она. До меня доходит, что, пусть она и сильна физически, в словесных баталиях она никогда не выйдет победительницей. Воительница, ненавидящая споры, – это почти мило. Я едва сдерживаю улыбку.

– Как это не могу? – спрашиваю я. – В твоих словах я услышала просьбу, – замечаю я.

Грэн привлекает мое внимание, в ужасе взирая на меня. Что, благослови ее Господь, только раззадоривает меня.

– Фэй, ты должна пойти, – требует она, бросая еще один извиняющийся взгляд на Ислу. Я вздыхаю.

– Но я не хочу. – Поворачиваюсь обратно к нимфе. – Ты собираешься заставить меня? – интересуюсь у нее. – Не сомневаюсь в твоих возможностях. Ты определенно выглядишь сильнее меня, – говорю я ей, разглядывая упругие мышцы ее обнаженных рук. – Но, – осторожно добавляю я, подстраховываясь, – тебя, вероятно, отправили просто передать послание, без каких-либо дополнительных инструкций о том, чтобы притащить меня туда за волосы или что-то в этом роде. Верно?

Исла некоторое время изучает меня. И, когда я уже думаю, что она действительно собирается схватить меня за кудри, она коротко кивает.

Грэн едва не поперхнулась от моей дерзости.

– Фэйлинн Грейс, так дела не делаются! Ты должна вернуться. – Она упирает руки в бедра, но ее угрожающий вид портит пушистая ткань, обрамляющая ее лицо.

Я делаю глубокий, успокаивающий вдох.

– Возможно, дела и не делаются, но я поступаю именно так, – говорю ей. Я понижаю голос, хотя мы стоим достаточно близко друг к другу и Исла прекрасно меня слышит. – Я ничего им не должна. И... – Я бросаю взгляд на Элли, намекая Грэн, что мы не можем привлечь внимание к нашей семье. – Что им вообще от меня нужно? Мой отец уничтожил весь их народ. – Стоит мне упомянуть об этом, как Грэн умолкает. Краем глаза подмечаю изучающий взгляд Ислы. – Кроме того, когда я была там в последний раз, Гейдж пытался выкачать воздух из моих легких, и я не собираюсь проходить через подобное снова.

Я оборачиваюсь к Исле, которая стирает со своего лица недоумевающее выражение.

– При всем уважении, – начинаю я, – ты выполнила свое поручение, но я вынуждена отказаться. И пока он не направит тебя сюда, чтобы затащить меня обратно, я остаюсь здесь. И Эль тоже.

Она поджимает свои лиловые губы.

– Принято. Ответ будет передан. – Она отвешивает еще один неглубокий поклон и затем кивает Грэн, прежде чем развернуться и уйти.

Я закрываю за ней дверь и вздыхаю, прислонившись к две-

ри и прислушиваясь к ее шагам по ступенькам. Разумеется, я не слышу их, она же феяри.

Элли хихикает и бросается на диван.

– Вот, блин, у тебя неприятности. – Она возится со своими колготками, создавая на них искусные полоски. – Ее кожа была такой голубой. Это чертовски потрясно, – бормочет она себе под нос.

Кожа самой Грэн – смесь двенадцати оттенков нормального, человеческого красного, и она изучает меня, прежде чем начать говорить:

– Как думаешь, Фэй, что произойдет дальше? – мягко спрашивает она. – Думаешь, вернешься к прежней жизни?

Я пристально смотрю на нее в ответ. Конечно, я хочу этого. Я должна. Ради Эль я не могу позволить им заполучить меня, потому что больше не доверю Грэн ее сохранность. Так что вопрос закрыт. Я почти испытываю облегчение от того, что не нужно решать эту проблему.

Когда понимаю, что Грэн ждет моего ответа, я коротко отвечаю:

– Да.

Элли наблюдает за нами, но я чувствую ее молчаливую поддержку. Знаю, что, если бы я ей позволила, она бы с криками восторга помчалась во Дворы, наплевав на всевозможные последствия. Но она не оставит меня.

Грэн берет мои руки в свои. Так ласково, нежно. Обводит лишнюю костяшку на кончике среднего пальца моей правой

руки.

– Как, Фэй? Как ты спрячешь это?

В пустом желудке ее ответ ощущается как струя ледяной воды. Он пробуждает во мне непоколебимую решимость. Грэн может быть человеком, но она жила рядом с Народцем, вероятно, на протяжении очень, очень долгого времени.

Я глубоко вздыхаю.

– Тебе придется научить меня.

Глава четвертая

Грэн недовольна мной, но, по правде говоря, в этом нет ничего удивительного.

– Чаще всего чары используют для смены внешности, – выдавливает она.

«*Я знаю*». Она повторила это сотню раз за последнюю неделю, с тех пор как начала обучать меня. За это время мне удалось сменить красную кожуру яблока на оранжево-красную. Пока оно не взорвалось.

Очевидно, я не до конца усвоила правила.

Я протягиваю руку к стоящей передо мной кружке, чувствуя себя глупо. Мне просто нужно изменить цвет. Что может быть проще! Она белая, так что, если удастся получить хоть какой-то цвет, это можно считать победой. Я пыталась добиться насыщенного пурпурного цвета, в который Элли покрасила волосы два года назад и который очень раздражал Грэн, но сейчас меня устроит и обычный розовый. Или голубой. Даже бледно-серый сойдет.

Но я абсолютно ничего не ощущаю, когда Грэн говорит мне обратиться к своей магии. Ну, не считая головной боли.

– Даже *молодняк* может это сделать, – говорит Грэн, когда я опускаю руку и сгибаю пальцы.

– Ага, супер. – Я потираю плечо. – Только они растут в окружении магии. – После недели сплошных провальных

попыток мое оправдание выглядит неубедительным и нелепым. – И они не рождены *полукровками*, – добавляю я. – А мы уверены, что во мне вообще есть магия?

– Эй, Грэн, – зовет Элли, откинувшись на спинку дивана и откусывая яблоко, над которым я еще не успела поиздеваться. – Как думаешь, это что-то вроде «используй или потеряешь»? – Элли хихикает после укуса.

Я швыряю в нее первую попавшую мне в руки вещь – колоду карт. Она ударяется о ее плечо с приятным стуком, и на ее крохотном личике появляется обида. Я дарю ей свой самый самодовольный взгляд.

– Для этого мне и магия не понадобилась.

Грэн вздыхает, ущипнув себя за переносицу.

– Одному богу известно, где я так нагрешила, чтобы заслужить эту парочку.

Элли, воспользовавшись моментом, пока Грэн отвернулась, бросает колоду обратно в меня. Но промахивается, и карты ударяются о столешницу.

– Ты любишь нас, Грэн, – говорит она. Я рада, что по крайней мере Элли пришла в себя после всей этой дурацкой заварушки. Кажется, она не возражает и дальше жить с Грэн, как будто не было восемнадцати лет лжи, но для нее это хорошо. Мне не сложно заботиться о нас.

Грэн бормочет что-то о том, что любовь к нам – это «ее крест, который она должна нести», а затем, не объяснившись, покидает комнату. Сегодня мы прозанимались

несколько часов, так что я не виню ее и не жалуясь. Вместо этого падаю на диван рядом с Элли. Это утомительно: весь день стремиться и тянуться к чему-то, что ты никак не можешь обнаружить. Может, магии вообще не существует.

– Как дела на работе? – интересуюсь у Элли как можно мягче. С начала лета она работает в специализированном магазинчике на побережье, чтобы немного подзаработать. Не представляю, как она каждый день появляется на работе в образе принцессы-вампириши, направляющейся на вечеринку, и умудряется продавать доски для сёрфинга людям, которые не понимают, что волны больше подходят для катания на буги-борде. Этим летом я должна была работать спасателем, чтобы накопить денег на колледж. Но я не могу покидать дом в таком виде.

Элли колеблется долю секунды, прежде чем ответить:

– Хорошо.

Но я чувствую, что она что-то недоговаривает.

– Что?

Элли прищуривается, признак того, что она обдумывает свой ответ.

– Делия заходила. Видимо, ей понадобилось новое бикини. – Она слабо улыбается.

– Ох, – выдаю я, стараясь выглядеть непринужденно, но терплю неудачу. – Она что-нибудь говорила?

Элли кривится.

– Нет, извини. Она все еще не разговаривает со мной. Что

чертовски потрясающе, поскольку я сегодня работала за кассой, – хмыкает она.

В том, что Делия не разговаривает с Элли, нет ничего странного, но она не отвечает ни на мои сообщения, ни на звонки с той самой ночи, когда мы пересекли завесу. Чувство отверженности – словно мучительная боль, напоминающая синяк, на который я постоянно натываюсь. Но в остальном, как и сказала Элли, она не вела себя странно при встрече. Во всяком случае, не бегала по городу, рассказывая всем подряд о фейри.

– Итак, как успехи? – искренне спрашивает Элли.

Я пропускаю пальцы через челку, растрепав ее так, чтобы она не лезла в глаза.

– Не очень, Эль. Я понятия не имею, чем занимаюсь.

– Ты всегда можешь призвать того парня. Ну, который предложил тебе услугу, – добавляет она, словно я нуждалась в пояснениях. Слово она еще не применяла этот прием. Я признательна ей, что она еще не упоминала об этом в присутствии Грэн. А то и она станет настаивать. Элли рассматривает свои ногти, изображая полное равнодушие.

– Нет, – говорю ей. – Услуги всегда чреватые последствиями. Кроме того, я совсем его не знаю. Кто он такой и из какого Двора. Он не задержался в Подземелье надолго.

Она вздыхает.

– Ты и о магии ничего не знаешь.

Я кидаю декоративную подушку ей в лицо.

– Спасибо, – язвлю я. Она лишь смеется.

Элли перестала смотреть на меня как на незнакомку, но время от времени я ловлю ее взгляды украдкой. Хотела бы я знать, какой она видит меня. Я все еще Фэй для нее? Или что-то другое, не нормальная я?

Я все еще сторонюсь зеркал. Это нельзя назвать здоровым образом жизни, но мне не хочется смотреть. Пока не хочется. Но не на все. Мои волосы остались прежними, кожа почти такая же, если бы не легкое мерцание, которое проявляется в темноте. Иногда я все же замечаю свое отражение. Мельком видела свои новые, заостренные уши, острые скулы. Блестящие глаза.

Грэн снова шаркает, возвращаясь, и зовет меня обратно на тренировку. Я вздыхаю. Ни минуты покоя.

* * *

Грэн вынимает из шкафчика две кружки, и я устало вздыхаю. Если она решила заварить чай, значит, нас ждут занятия до поздней ночи. Элли отправилась спать несколько часов назад, что на нее не похоже, но думаю, она просто устала слушать ворчание Грэн.

Но, вместо того чтобы включить чайник, Грэн нагибается и шуршит в полке рядом с раковиной, пока не достает стеклянную бутылочку с янтарной жидкостью.

– Грэн! – я вскрикиваю, хихикнув. Мы с Элли знали, что

в доме припрятан виски, но я никогда не видела, чтобы она доставала его из тайника. Она вздыхает и добавляет немного в мою кружку и еще чуть-чуть в свою. Я настороженно смотрю на нее. Я пробовала алкоголь и раньше, но никогда в присутствии женщины, которая меня растила, и я не понимаю, как себя вести. Прикинуться, будто пью впервые?

Она небрежно отмахивается рукой.

– Давай. В детстве мы пили эту дрянь во время приема пищи.

– Когда это было? – интересуюсь я, замечая лазейку и пользуясь ею.

Она взбалтывает жидкость в своей кружке, а затем неторопливо, сосредоточенно делает глоток.

– Очень давно, – признается она. Я задерживаю дыхание в ожидании продолжения, но она помалкивает.

Я не спеша отпиваю из кружки, напиток обжигает, и у меня перехватывает дыхание. Дешевые пивные напитки Делии *не сравнятся* с этой штукой. Я решаюсь снова вернуться к разговору.

– Нимфа, – произношу я, мой голос хрипит, когда я вспоминаю, какой смертоносной и прекрасной она была. – Она сказала, что у тебя есть сестра?

Грэн долго и молча рассматривает меня, затем, кажется, принимает какое-то решение. Она подливает себе еще на пару пальцев. Поерзав, тяжело вздыхает.

– Сия была тихой девочкой. Делала то, что велели роди-

тели, никогда не выражала своего мнения, с готовностью покорялась их планам на ее жизнь. Но я не была похожа на нее.

Она смотрит на стену, на мгновение ее глаза остекленели.

– Я искала Народец. Добрых соседей, как мы их тогда называли. Я хотела получить от жизни больше, чем соломенная хижина, где вместе с нами зимовали свиньи; муж, который не любил, но и не ненавидел меня; а моя ценность измерялась тем, сколько сыновей я могла ему родить. Я не желала такой жизни. – Договорив, она с грохотом ставит кружку на стол.

Я замираю, прежде чем успеваю надеть маску спокойствия и непринужденности. Что-то во мне побуждает спросить:

– Ты хотела, чтобы тебя похитили?

Она в защитном жесте поджимает губы.

– Тогда жизнь была другой, девочка. – Она снова потягивает виски. – Но Народец – хитрые создания. Их находят, только когда они этого хотят, и обычно попадают на пути тем, кто не жаждет встречи с ними. – Она опустошает до конца свою чашку. – Удача никогда не была на моей стороне. Пока Сия не пошла со мной однажды ночью, переживая за меня. И тогда они пришли. За ней.

В словах Грэн сквозит горечь, и я поднимаю на нее взгляд.

– Сия хотела найти свое место в мире смертных. Но они полюбили ее. Вопреки всему. Они всегда хотят заполучить тех, кто меньше всего стремится попасть к ним. Сильнее своего предназначения Сия любила только меня. Она заключи-

ла сделку, что останется с ними, если они возьмут и меня. – Она до крови раздирает свои кутикулы. Я не уверена, отдает ли она себе в этом отчет, осознает ли, что продолжает говорить. Ее рот кривится, в морщинах прячется какая-то эмоция, куда более мрачная, чем печаль.

Она внезапно смеется, но этот смех – не из самых приятных.

– Народец вознаградил ее вечной молодостью за принесенную жертву. – Она перестает издеваться над своими пальцами и проводит ладонью по лицу. – Она была напугана. Сия знала, что никогда не сможет вернуться домой, никогда не вернется на свой жизненный путь, – говорит она, растягивая последнее слово. – Я говорила, что она не просто моя сестра? – Она качает головой. – Мы с Сией близнецы. В царстве фейри время течет иначе, и прошло очень много времени, прежде чем различия между нами стали заметны. Я отдавала им все, что у меня было, но они всегда любили ее больше. До Эммалин, – говорит она, с нежностью произнося имя моей матери, вспоминая ее. И кажется, немного самодовольно. – Они полюбили твою мать сильнее, чем когда-либо любили Сию. Я последовала за Эммой, когда ее пообещали королю Неблагого Двора, даже если это означало, что мы больше с сестрой не увидимся. – Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что она больше *никогда* не видела свою сестру.

– Ты надеялась, что кто-то остановит твое старение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.